

Мария Назарова

ХОСТ ПОЖАРЧЕ

ПОВЕСТЬ О ЛИШНЕЙ ТУСОВКЕ
ИЛИ ЖИЗНИ ПОД БАРНОЙ СТОЙКОЙ

Мария Михайловна Назарова

Хост пожарче

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8722434

Хост пожарче. / Мария Назарова: Эдитюс; Москва; 2014

ISBN 978-5-00058-142-1

Аннотация

Философия проблемы или проблема философии, какая из частей этого хиазма ближе современным читателям? Любое литературное произведение – это энциклопедия, дарующая право изучить науки нравственности. Следовательно, оно должно поднимать темы, размышления над которыми побуждает к активным раздумьям и открытию для себя новых канонов правильности восприятия мира. Мои художественные образы героев, раскрывшиеся каждый в своей сюжетной линии, в итоге соткали историю, по праву и литературным канонам обозначившуюся повестью. А следовательно, причисляя себя к столь возвышенному виду искусства, как литература, я принимаю на себя писательский долг не только завлечь сюжетом и заинтриговать острыми моментами, но и обличить свое творческое детище глубиной внутренних вопросов. Надеюсь, что диалог с этой книгой окажется для любого, кто возьмет ее в руки, крайне непринужденным и полезным.

Содержание

Максим Яров	4
Полина Волкова	79
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Мария Назарова

**Хост пожарче. Повесть
о лишней тусовке или
жизни под барной стойкой**

Максим Яров

Томным шумом городских машин свистела улица суматошного Нью-Йорка, вечно спешащие бизнесмены с английской руганью выбегали из отеля, а черно-белые лакеи уже открывали им двери цветастых Bugatti – в общем, типичное существование с элитным подтекстом. Меня зовут Максим Яров – я молодой, успешный писатель, пишу преимущественно о женщинах, машинах и клубной жизни – проще говоря, обо всем том, что так наигранно манит сознание современного поколения и о том, на чем стоит моя жизнь и жизнь всех моих друзей. Эти бурные насущные темы давно переняли роль трех терпеливых слонов, на которых плотно уселся современный мир светской тусовки. Идея этого блога возникла давно. Все их ведут, вот и я решил попробовать постить свою жизнь в незамысловатых хештегах и угарных видео снятых под несчитанными стопками алкоголя – сейчас

это модно. Но... неинтересно. По крайней, мере для меня. Помаявшись два долгих месяца в создании качественной социально-публицистической странички, я решил, что это глупо. Да, именно так. Ибо постя бесчисленными файлами весь свой бездумный отдых, мы только деградируем, а не развиваемся, точно такой же участи подвергая и наших читателей. Не долго думая, я решил закрыть профиль. Округлая цифра нескольких десятков тысяч читателей быстро ушла в отставку, передав боевую ношу скромной иконке замочка, символизирующей, что сие празднество слепого текста, наивных фотографий и крайне несуразных лиц, то и дело мелькающих в документах, теперь доступно одному лишь мне. Сам написал – сам прочитал. А что, why not?! В конце концов, это моя жизнь и я имею полное право прожить ее для себя!

Голова трещала от ночного пьянствования. Черт знает, что заставило меня подняться без четверти десять, выйти на балкон и уткнуться в заполнение этого несчастного блога, несмотря на то что эта ночь шумным толчком двери моего ботинка и крайне синюшным от алкоголя face'oM, запустила меня в гостиничный номер только в начале шестого. Нет, я не гуляка и не тщетный прожигатель жизни. Я обычный трудяга, трепетно относящийся к своей работе. И в конце концов, не виноват же я, что прекрасное образование журналистского факультета МГУ и золотая кредитная карточка отца просто не позволяют мне скромно просиживать штаны в офисе. Вот и приходится ночами напролет тусить в самых

элитных клубах Манхэтэна и Нью-Йорка, отдыхать в люксовых курортах Сан-Тропе и Куршавеля, укладывать в свою кровать самых высокооплачиваемых топ-моделей мира само собой так же, как и пить только брендовый алкоголь – а как еще собирать информацию для своих романов? Только так! Трудно, конечно. Но я терплю, и даже не жалею! Кстати, красиво звучит, надо будет запомнить и пересказать за завтраком какой-нибудь длинноногой манекенщице, авось, сжалится и пожалеет. Ведь я так нуждаюсь в искреннем друге, способном помочь грудью проложить дорогу к излечению моей усталости. Причем эта грудь должна быть не менее третьего размера. А лучше вообще пятого. Ну, чтобы уж наверняка излечиться-то.

Заглянув в глаза достаточно сексапильному брюнету в костюме из новой коллекции Calvin Klein, похотливым взглядом глядевшему на меня из зеркала, я захватил кошелек с тремя кредитками и вышел из номера.

– Максим, – окликнул меня тонкий женский голос.

– Да-да, – я оглянулся навстречу навстречу клацающим цокающим каблучкам. – А, это ты, привет, Маша.

Передо мной стояла стройная стовосьмидесятисантиметровая пламенная брюнетка в обтягивающем красном платье Hermes и крупных стрекозых очках той же марки – дочь главного партнера моего отца.

– Отлично выглядишь, – я кинул взгляд в ее глубокое декольте, без скромности демонстрирующее шикарные

ный четвертый размер, утянутый кружевным бюстгалтером Victoria's Secret. – Только вот очки немного портят образ. Скрываешь под ними усталость бурной ночи?

– Не менее бурной, чем у тебя, Максимчик.

– И кем удалось поживиться на этот раз?

– Я не ты, honey, у меня в постели полное постоянство.

– Не напомним: постоянство в этом месяце носит обличие крупного акционера Саши, или оно уже полностью перекочевало в нефтемагната Сержа?

– Серж. Сашины акции прогорели уже три месяца назад, – поджав пухлые губы прощбетала Маша.

– Ого. Он тебе это сам сказал?

– Что-что, а отслеживать финансы я умею отлично.

– И поэтому ты сменила его на более аппетитную наживку? – предлагая жестом пройти к лифту, поинтересовался я.

– Ну, не зря же в Oxford'ском университете училась.

– Да ты моя умница.

– И без тебя знаю, дорогой. А какую крашеную куклу заманил в свои сети ты, Spider-Man?

– Шанипову, – максимально обыденным тоном ответил я.

– Да ладно? Эта та самая русская стервочка, являющаяся самой востребованной моделью Elite Model Agency?

– Именно.

– Да ты растешь, дружок.

– Я никогда не разменивался на дешевые стекляшки – я предпочитаю только бриллианты красоты, baby.

– Я в этом даже не сомневалась. Но Шанипова – это, конечно, нехило. И сколько ты ей заплатил?

– Я? Это она должна мне отчислять свои убогие проценты от съемок, чтобы я спал с ней каждую ночь.

– Твоя заносчивость не знает границ.

– Также и деньги на моей карте, – подмигнул я Маше. – А ты почему одна? Где же твой сопливый французик?

– Восстанавливает силы после бурной ночи в теплой кроватке уютного номера. А где твоя игрушка?

– Сбежала. У нее с сегодня утренние съемки.

– Сбежала? Ты точно по пьяни не перепутал Шанипову с дешевой проституткой?

– Ты меня обижаешь, Мару.

– Ты же знаешь, что меня бесит такая исковерканная форма моего имени.

– Знаю. Но меня заводит, как ты бесишься, – улыбнулся я, поднося руку к Машиным бедрам.

– Только попробуй, – огрызнулась шикарная брюнетка.

– И что же ты сделаешь?

– Я? Практически ничего. Только вот ближайший месяц тебе придется клеить манекенщиц рассказами о неравной схватке с суровым тигром, так бесцеремонно расцарапавшим тебе физиономию. Ну, или что ты там виртуозно насочиняешь в оправдание кошмарно изуродованной физиономии?!

– А ты с огоньком, – завершил я, когда мы вошли в ре-

сторон.

– Покормишь меня? – не желая развивать тему, спросила моя длинноногая спутница.

– Боюсь рисковать своим здоровьем.

– Да не волнуйся, я же пошутила про когти.

– А про Сержа?

– Про него можешь не волноваться. Он знает, что у меня никогда в жизни не будет ничего с таким лохом, как ты.

– Лохом?

– А кто ты? Мелкий пленник пера. Вот как насобираешь гонораров на виллу в Сан-Франциско и личный самолет, на-бери.

– И где у нас будет? В самолете или в Сан-Франциско?

– Перебьешься, honey. Я просто шелкну пальцем, и Серж купит мне такие же, только в два раза больше. И я в очередной раз назову тебя лохом.

– Стерва.

– Может быть, но это всяко лучше, чем неудачник.

– Good morning! – перебил нашу словесную перепалку слащавый официант.

– Cup of coffee and a croissant, please, – на идеальном английском сделала заказ Маша.

– Whiskey and something fo your taste, – доверился я официанту.

– Хороший английский, – сделал я комплимент обладательнице Oxford'ского образования.

– Ужасный выбор. Виски с утра? Ты точно спал с Шаниповой?

– Конечно. И я думаю, ты специально выкупила соседний номер, чтобы насладиться всеми прелестями нашей ночной симфонии.

– Ты же знаешь, что номера забронированы отцом. И соседние они только потому, что «все наше состояние когда-нибудь перейдет нашим детям, поэтому они должны крепко дружить, дабы не просрать наш бизнес».

– Хочешь свожу тебя в зоопарк, надо же как-то поддерживать дружбу?

– В зоопарк меня сводит Серж, а с тобой мы направимся в Carrier, honey.

– Мне кажется, ты немного перепутала.

– Вовсе нет. Нужно же выбрать новую цацку твоей Шаниповой.

– Зачем? – искренне удивился я. – Ты считаешь, я собираюсь с ней повторно спать?

– Нет, Baby, в Нью-Йорке еще тысячи неиспробованных моделек, зачем мне тормозиться?

– Спать я тебя не заставляю. Но вот встретиться еще раз и познакомить ее со своей любимой подругой ты должен.

– Мечтаешь взять автограф, Машуль?

– Именно, – скорчила рожицу шикарная брюнетка. Маша – владелица собственной линии меховых изделий, поэтому, узнав, что я имею доступ к самой востребованной модели

Америки, она просто не могла не состроить на нее планов.

– Хочешь нарядить ее в свои шубки?

– Тебе в лом? – прямолинейно спросила моя спутница.

– Ну, как бы Cartier не копейки стоит, чтобы украшать им случайных спутниц.

– Хочешь, я оплачу? – бесцеремонно кинула в воздух Маша, проводя рукой по голливудским прядям длинных волос.

– Нет, спасибо, я уж как-нибудь сам.

«Ага, конечно, позволю я тебе заплатить, чтобы ты потом полжизни мне об этом напоминала. Будто я тебя не знаю!» – про себя отметил я.

– Вот и славненько! – поправила декольте меховая королева. – Значит, сегодня в обед здесь же?

– В обед? – я аж поперхнулся виски.

– Ну да, сейчас быстренько сгоняем, я уже знаю, что купить, так что тебе остается только оплатить чек.

– Ну, я не знаю, у нее же вроде как съемки.

– Ничего, дырки в графике у нее всяко есть, а я ждать умею. «Сука!»

– Звони Кате, – торопила меня жгучая брюнетка, зараженная дикой идеей за «по-дружески» заполучить самую крутую модель fashion-индустрии.

– Я заберу у них то, что принадлежит тебе по праву, Учитель, клянусь. Если будет надо, устрою настоящую драму. Ради нашего дела, учитель, клянусь, – поясничая, процитировал СмокиМО я, что бы хоть как-то расслабить загоревшую-

ся бизнес-идеями девушку, и достал из кармана iPhone. После чего набрал последний номер.

Маша закатила глаза.

– Алло, Катя? – поинтересовался я у трубки.

– Да. Максим, ты? Слушай, bunny, я сейчас на съемках.

Можешь перезвонить вечерком?

– Вечерком? Но я так опленен чарами твоей красоты, что боюсь не дожить до вечера, не получив новую порцию тебя.

– О-о, это так мило. Но сегодня вообще никак – я через полчаса лечу в Милан и вернусь только через неделю.

– В Милан? Вот незадача! – театрально разводя руками, произнес я для Маши, но Королёва не отступала.

– Мы приедем, – вклинилась в разговор дикая business woman.

– Прекрасно. Я тоже завтра буду там, – повиновался я.

– Правда? – с детской радостью оглушил меня iPhone. – Это же так здорово! У меня с обеда и до самой полуночи как раз свободное время!

– Ошибаешься. Это время у тебя занято.

– Почему?

– Потому что его у тебя уже забираю я.

– Ты лучший, bunny. Ой, все. На меня уже кричит агент.

До завтра, – завершила разговор наивная моделька.

– Довольна? – обратился я к сверкающей глазами Маше.

– Более чем! Завтра же утром вылетаем. Слушай, а может, я тогда сама выберу для нее сережки? Сержу нужна прогул-

ка, глядишь, и себе на цапки разведу. В конце концов ты и так мне практически оплачиваешь рекламную кампанию, а этому старому хрену уже жирно валяться в оплаченном номере. Пора бы уже и начать отрабатывать.

– Сережки от Сержа. А что, я согласен.

– Ну все, тогда я зайду за тобой утром, – с этой фразой Маша отправила мне дружеский воздушный поцелуй, но поняв, что за такой кадр, как Шанипова, этого слишком мало, тут же наклонилась и оставила на моей щеке яркий след пухлых губок.

– Уже уходишь? Передай привет своему нефтемагнату.

– Обязательно, – отходя от столика, кинула Маша, но, пройдя буквально десять метров своей идеальной модельной походкой, остановилась и, развернувшись на триста шестьдесят градусов, снова поплыла ко мне.

– Чуть не забыла, – Маша обнажила голливудскую белую улыбку и проползла по столу аккуратными длинными пальцами, оставляя пятьсот долларов. – Совесть не позволяет мне жить за счет мужчин, с которыми я не сплю.

– Ну, так давай я заплачу? – подмигивая бровями, сделал непристойное предложение я.

– Только писатель может так культурно пригласить девушку в свою постель, – поправляя длинные темно-каштановые волосы, вышла из ситуации моя подруга-дизайнер.

Изящный силуэт русской куклы Барби, одаренный безупречным интеллектом, отдалялся от меня в сторону выхо-

да. Я кинул официанту, чтобы тот подал счет, но он не заметил моей просьбы – его взгляд был накрепко прикован к исчезающему женскому образу. Честно говоря, не только этот персонаж провожал взглядом шелковое красное платье – все мужчины, словно надрессированные цирковые пудели, направили взгляды в сторону аппетитной косточки. Маша умела привлечь внимание. Признаться, я тоже после наших встреч нередко бегу в туалет «снимать произведенное впечатление», и это притом, что за двадцать лет нашего знакомства у меня уже выработался иммунитет к ее красоте. Впервые отец привел в дом нового партнера в компании очаровательной темноволосой девочки в легком розовом платьице, украшенном узорами нежных лилий, когда мне было шесть лет. Дочка нового папиного друга сразу оставила след в моём наивном детском сердечке, и я стал уговаривать отца почаще приглашать этого дядю. Маше на то время было всего четыре, и особого внимания она мне не уделяла, а даже, наоборот, шугалась и побаивалась бегавшего за ней озорного мальчишку с расцарапанными коленками. Наши отцы, в свою очередь, были очень приятны друг другу и уже через три месяца заключили крупную сделку, а через полгода даже стали лучшими друзьями. Наша семья продала большой коттедж в районе Барвихи и приобрела виллу в Италии – по соседству с Королёвыми. С этого дня я мог ежедневно лазить к Маше прямо через забор. Охранники быстро привыкли к моей шастающей персоналии и даже перестали под-

нимать табун, когда я перепрыгивал на чужую территорию. Маша тоже привыкла ко мне. Ей была интересна компания старшего всезнающего товарища. Летело время, мы совсем сдружились, и все шло как нельзя лучше. Пока мне не исполнилось четырнадцать. И отец не решил отправить меня учиться в Швейцарию. Перспектива расставания с подружкой меня крайне смутила, но, не желая расстраивать отца, я послушно повиновался. Однако учеба вдали от дома мне, мягко говоря, не давалась и, еле-еле закончив, я отправился в Россию, где и прошли мои студенческие годы. Первое время Маша часто присылала мне письма и какие-то самодельные подарки, но это было недолго. Уже через год она начала встречаться с каким-то мальчонкой, напрочь позабыв про своего старого друга. В русской столице встретить очаровательную принцессу из детства мне тоже не удалось. Обладая прекрасными природными данными, Маша начала покорять Америку в роли топ-модели, но после нескольких не очень приятных инцидентов nepозволительного поведения ее агента, отец наказал Маше поставить на подиуме жирную точку. Недолго расстраиваясь, она подалась в бизнес, но, поняв это дело, слишком скучное для ее бурного темперамента, шикарная брюнетка вновь вернулась в моду, только в этот раз в роли дизайнера меховых изделий. Я же после окончания высшего учебного заведения сразу же был принят в редакцию модного Московского журнала. Стоит ли говорить, что душевная улыбка начальника издательства направилась

ко мне не без помощи отцовской кредитки. Но даже старания папеньки не смогли задуть моей безалаберности и крайне запаздывающей сдачи статей, поэтому из издательства я полетел кубарем уже через шесть месяцев. Примерно тогда же я познакомился со Светой – молодым агентом, возглавляющей сейчас моё творчество. Очаровательная рыженькая девочка быстро разглядела во мне писательский дар и предложила оформить небольшой очерк об особенностях клубной жизни. Уже через три месяца миру показала своё лицо толстая книга с моим именем на обложке. Отец моего таланта не признавал и нередко попрекал меня тем, что я ничего не делаю в этой жизни. Однако отсиживающий задницу в тесных рабочих креслах народ нашел в моём произведении прямое отражение своего представления идеальной жизни, и книга очень быстро набрала позиции, благодаря чему папе пришлось смириться с моей ролью просветителя общества и отойти в сторонку, отпуская меня в свободное литературное плавание. С Машей мы пересеклись только на презентации моей второй работы в Москве, на вечеринку в честь которой она царственно пришла в сопровождении какого-то лысого бизнесмена. Мы душевно разговорились и уже на следующий день втроем обедали в ресторане на Эйфелевой башне. Маша несерьезно относилась к моему «нелепому переводу бумаги», хотя сама по вечерам нередко зачитывалась сией «макулатурой». Я тоже постоянно подкалываю ее фактом того, что «мол, в модельном не удалось в качестве короле-

вы подиума, так ты за кулисы пошла», хотя за все время не пропустил ни одного ее показа. Вот так и живем – ссоримся, деремся, но соревнуемся, миримся, сдруживаемся – по настроению.

– Трубку он не берет, тоже мне! Ну, я тебе устрою бурную жизнь! – чуть не сбила грациозную Машу с ног рыжая пацанка в синих кедах Converse и оранжевой кожанке.

– Привет, малыш, – не растерявшись, подмигнул бровями своему агенту я. Как-никак сия жестикуляция – мой коронный прием в покорении самых капризных женских сердец. Прокатывает безотказно! Особенно если перед ним поставить фразу: «Хочешь быть следующей героиней моей книжки?»

– Fuck! – высказала Света, показывая соответствующий жест.

– Honey, у меня разрядился iPhone, и я просто никак не мог поднять трубку на твои звонки.

– Ты у меня сейчас другое поднять не сможешь!

– В этот момент я поблагодарил Господа, что нас окружают только американцы и никто не разберет ее нелепых высказочек. Ну, кроме фака, конечно...

– Может, решим проблему как-нибудь иначе?

– А может, тебе подать объявление о поиске нового агента?

– Зачем? У меня же есть ты!

– Скоро не будет! Уволюсь я от тебя! И знаешь, что тогда

тебя ждет?

– Что? – испытывая крайний интерес к продолжению фразы и еле сдерживая смех, отправил вопрос разъяренной женщине я.

– Будешь писать рекламки для стриптиз-клубов! Понял? Потому что больше тебя никуда не возьмут! И даже твой папочка тебе не поможет! Потому что ты бездарь! Мы обещали выход новой книги в конце марта! Еще в конце марта! А уже апрель, Максим, апрель! А книга где? Нет ее! Вот скажи, ты ее хотя бы писать начал?

– В процессе. А если насчет стриптиз-клуба, то я согласен, все-таки постоянное созерцание женских тел не самая плохая работа.

– Что? Да я просто не могу с тебя!

– Тише, honey, у меня жутко болит голова.

– Тише говоришь? Ах, так мне еще и тише быть надо! Не дожدهшься! – с этими словами Света так повысила голос, что на нее повернула головы половина посетителей ресторана, включая стражей порядка.

– Успокойся! Люди пришли позавтракать, не порти им утро.

– Не портить? Максим! Вот скажи, а почему тебе можно портить мне абсолютно каждое утро? Ты понимаешь, что заказчики твоей книги отымеют нас, как восьмиклассниц? А ты что? А у тебя голова болит! А знаешь, почему она у тебя болит? Потому что ты вчера набухался, подцепил какую-ни-

будь топ-модельку и провел с ней всю ночь! И это вместо того, чтобы работать!

– Мне надо где-то черпать вдохновение.

– Нет, ты смерти моей хочешь! – выдохнула Света, наконец-таки садясь за стул. – Через час вылетаем в Петербург.

– Sorry.

– Что ты сказал? Вот это же повторишь заказчикам! Потому что я больше не могу с ними общаться!

– Светочка, ты зря о них такого плохого мнения. Там, между прочим, работают образованные и очень понимающие люди. А моя харизма и не таких брала.

– Главное, чтобы тебя не взяли. Причем за одно место.

– И я, между прочим, планировал на сегодня покупку нового костюма.

– Перепланируешь на завтра. Закажи мне водки.

– А это что? – не доставая сигареты изо рта, спрашивает Света.

– Где? А-а-а, ты про это! – переводя взгляд на двухметровую американку в короткой розовой мини-юбке, обнажающей кружевные края белых чулок, игриво улыбнулся я. – Это Ненси, очаровашка, не правда ли?

– Что она тут делает? – тем же монотонным голосом продолжает мой агент.

– Ну, Светочка, миленькая, ну, ты чего, ну, мы же не дети. Ну, не комиксами же нам себя занимать во время полета?

– Ясно. Проходи, не задерживай вылет, – попыталась уса-

дить меня в мой же самолет моя коварная Фрекен Бок.

– Nice to meet you! – протянула свою темненькую ручку с идеально длинными пальцами моя сексуальная... эм... ручная кладь.

– А мы еще и поговорить решили! – возмутилась Света. – А в Питере ты ее куда денешь?

– Подарю нашим непоседливым друзьям из издательства. А что? У нее даже бантик есть! Прямо за краешком юбочки, хочешь посмотреть?

– Играй в свои игры сам.

– Ох, какие мы нервные.

– Максим, ты когда-нибудь писать будешь? – Света обернулась ко мне так, что мы чуть-чуть не касались губами.

– Какие у тебя пухлые, выразительные...

– Отвечай!

– Завтра.

– Что завтра?

– Завтра книга будет готова.

– Вся?

– Ну... частично...

– Ясно. Забронирую для тебя номер и попрошу дворецкого чтобы не выпускал тебя до вечера, – с этими словами рыжеволосая девушка в обтягивающем деловом костюме Chanel вступила на трап.

– Я разорву с тобой контракт, – метнул словесный нож в спину я.

– Что? Яров, мне кажется, ты что-то путаешь, запомни, это я тебя леплю, а не... – начала было отчитывать меня Света, но я не дал закончить эту фразу.

– Ты слишком капризной стала, kitty. Еще раз ты попробуешь заговорить со мной в таком тоне, и лепить ты сможешь не более чем пластилиновые фигурки.

– Ты мне угрожаешь? – дрожащим голосом обмякла от моего напора испуганная девушка.

– Я? Ну, что ты! Как я могу?! Я просто предупреждаю. А ты, мой юный аналитик, делаешь из этого выводы! Ты ведь не хочешь, чтобы мы с тобой ругались, ведь так?

– Максим, ты...

– Тсс, – я прошелся пальцами по ее открытым губкам, будто играя на них какую-то мелодию. – Правильно. Я тоже не хочу. Ну, сама подумай, зачем нам ругаться?! М? Мы ведь такие дружелюбные люди, не правда ли?

– Отпусти, – еле дыша, выдавила Света.

– Что?

– Руку, – так же тихо добавила она.

– Ой, – я сам и не заметил, как сжал ее запястье. – Так я прав?

– Да.

– Неправильный ответ.

– Извини.

– Я не расслышал.

– Прости, Максим, я перегнула палку и вела себя как...

– Madwoman?

– Что? Ну, пусть будет так... просто ты не представляешь: меня эти издатели уже просто fuck! Понимаешь? Каждое утро, каждый день, каждый вечер, каждую ночь они звонят и fuck, fuck, fuck!

– Ты бы знала, что сейчас нарисовала моя фантазия, – закуривая сигарету, усмехнулся я.

– Очень смешно... Максим, ну, пожалуйста, поторопись с книгой.

– Обязательно, – я чмокнул в щечку Ненси.

– А о чем она? – поинтересовалась моя бизнес-леди.

– О женщине, – ляпнул первое, что пришло в голову, я.

– Об этой, что ли? – Света кинула головой в сторону афроамериканки.

– О-о, нет, – театрально растягивая слова, я зашел в самолет. – Да, и поднимайся, не задерживай вылет, – уже спиной кинул я PR-директору.

– Боже мой, Анечка! Ты хорошеешь с каждым днем! В чем твой секрет? – разлился в пламенные объятия я, запуская в них шикарную длинноногую блондинку.

– Максим! Давно тебя не видела, чего-то ты стал редким гостем, да и не звонишь вовсе!

– Ох, дорогая моя, представляешь, потерял телефон! И вместе с ним все номера! Не черканешь свой на листочке?

– Обязательно, – нарочито выставляя вперед грудь третье-

го размера, пустилась во флирт секретарша.

– Виталий Геннадьевич у себя?

– О-о, а тебе меня уже мало? – скривила губки бантиком белокурая кошечка.

– Мне? Ну, что ты! Мне вообще на целом свете нужна только ты! Клянусь! И если завтра вымрут все женщины, кроме тебя, я даже не расстроюсь и, более того, вовсе не замечу этого! Но не все же такие хорошие, как я! Вот моего агента уже какую ночь изрядно... Светочка, я забыл как ты там сказала? Ну, слово такое интересное? Ну, ты еще сказала, что вся их верхушка с тобой это делает? – театрально щелкая пальцами, я не упустил еще одного шанса поставить на место рыжую выскочку. – А вспомнил – «fuck»! Анечка, ты, кстати, не знаешь, что это? А то какое-то нерусское слово, и я даже понятия не имею, о чем оно!

– Я? Нет, ни разу не слышала! – поддержала мою игру неглупенькая секретарша. – Хотя нет, Максим, где-то оно уже упоминалось, вспомнить бы, где... Вроде бы это когда делают вот так, – закончив фразу, она хватает меня за ягодицы, причем так сильно, что я наигранно всхлипываю.

– М-м, малышка, ты божественна!

– Малышка? А ты точно только что из Нью-Йорка?

– Baby, it's fantastic!

– Вот, так-то лучше! Пойду доложу Виталию Геннадьевичу, что ты пришел! Посиди здесь минут пятнадцать.

– Пятнадцать? А чего так долго? Или тебе нужно подо-

брать нужные слова?

– Ну, тебе же нужно, чтобы он был в хорошем настроении!

– О-о, детка you're an angel! – я проводил глазами исчезающий силуэт и переключил свое внимание в сторону PR-менеджера. – Света, организуй все так, чтобы чтобы к нашему возвращению Ненси уже ждала редактора в его кабинете.

– Виталий Геннадьевич!

– Максим, сколько лет сколько зим! А мы уже даже успели соскучиться! – кинулся в объятия сорокалетний лысый мужичок с прилично выпирающим пивным животиком, затянутым в дорогой деловой костюм.

– Право, ну, Вы же знаете: творчество, как говорится, времени не считает!

– Ох, Максим, Максим, насчет творчества-то я, конечно, не знаю, но зато твердо знаю насчет наших читателей, которые ох как прожорливы до хорошей литературы! Так что, голубчик, давай-ка ты поднажмешь немножко, ну, хотя бы чуть-чуть? – с этими словами мужчина закинул руку мне на плечо и по-дружески потрепал по затылку.

– Виталий Геннадьевич, я Вам обещаю, я лично возьмусь контролировать...

– Света, подожди в коридоре, – не имея желания выслушивать щепетильный трепет, отрезал глава редакции.

– Виталий Геннадьевич, может быть, обсудим это где-нибудь за пределами офиса?

– Да, я тоже думаю, что тем для разговора у нас хватит на целый обед.

Питерский ресторан «Semon» встретил нас терпким вкусом Highland Park Aged 18 Years и «Крепким чаем» СмокиМо, создающим музыкальную атмосферу из динамиков. Царственно богатый пейзаж за окном красиво перекликался с дизайнерским интерьером заведения, а меланхоличный, холодный дождь – с угрюмым настроением приехавших победать посетителей. Возле окна сидела влюбленная парочка. Она – юная студентка в клетчатом сарафане на двух bretелях и шелковом платке Versace, повязанным на шее (видимо, подаренном им на одном из их свиданий). Он – старше её лет на пять, в синих винтажных джинсах и пиджаке Prada, надетом поверх обтягивающей майки Adidas. (Выглядит, если честно, ужасно, но ему, по-видимому, нравится, ей тоже.) Она наверняка приехала в культурную столицу из какого-нибудь Саратова или Челябинска. Он сын богатого бизнесмена. В общем, типичная для нашего времени картинка. Чуть поодаль от них отдыхают две царственно одетые львицы – маленькие черные платья от Givenchy, порция диетического «Цезаря» в тарелках и хищный огонек в глазах. Очевидно, пришли на охоту, судя по всему, пока складывающуюся не очень-то удачно. Я оторвал взгляд от девушек и проскользнул глазами по полупустому ресторану, пока мой взор не зацепила, очевидно, собравшаяся на деловую встречу стая

бизнесменов. Они все молча что-то записывали, и лишь один из них, сидевший спиной ко мне, толкал какой-то очень занимательный монолог. На нем был угольно-черный смокинг (вроде D&G, но я могу ошибаться), рьяно начищенные лаковые туфли и большие часы Chanel на запястье, активно отливающие бриллиантами при каждом его взмахе рукой.

Наш же столик находился в самой тихой части ресторана. Я выбрал его не случайно. Так, оценивая ситуацию, я прекрасно понимал, чтобы дела не закончились расписанными по вчерашнему Светиному плану плачевными обстоятельствами, мне сейчас придется выложиться на полную мощь. Мой шеф пребывал в абсолютно противоположном настроении – его забавляло мое волнение, и он с нетерпением ждал начала оправдательного монолога.

– Братан, чаек-то неслабый, держи краба. Сперва тряхнул, затем поправил как надо – подпел я мотивам Дымного Мо, чтобы хоть как-то разрядить атмосферу.

– А у тебя хорошо получается, Максим. Может, стоит задуматься о карьере рэп исполнителя? А то как-то писательство, мне кажется, тебе уже начало поднадоедать, – двусмысленно произнес Виталий Геннадьевич, явно не оценив моей шутки.

– Зря Вы так о рэпе-то. Между прочим, они ведь наши братья. Ведь по сути-то – те же литературоведы, стихоплеты, только ответственности больше.

– Что ты имеешь в виду в плане ответственности? – заин-

тересовался мой собеседник.

– А Вы сами посудите. Книги – это культурный отдых. А музыка – панацея. Вот поразмыслите, мы, писатели современной прозы выполняем роль неких ораторов современно-го мира. Мы устанавливаем каноны, акцентируем внимание на проблемах и создаем настроение эпохи. А они, поэты бита, они психологи, лекари. Их задачей не стоит изменение людского сознания, им не нужно призывать людей к чему-то. Им нужно понимать.

В этот момент я посмотрел прямо в глаза своему босу и понял, что мою речь он всерьез не воспринимает, но тем не менее слушает крайне внимательно.

– Когда мы обычно берем в руки книгу? На сон грядущий, на дорогу дальнюю, в минуты душевной отчужденности. И что мы от нее ждем? Разговора. Именно так, ибо книги есть наши самые искренние собеседники. Поэтому-то так и важно, чтобы у каждого поколения появлялись свои книги. Нет, безусловно, я даже не буду братья отрицать, что и разговоры по своей структуре тоже бывают разными. И порой нам не найти лучшего собеседника, чем философа, способного открыть нам мир вечных мыслей и бесконечных тем, и никто лучше не сможет поддержать такой наш разговор, чем великий сборник сочинений Пушкина, Достоевского, Лермонтова, Толстого, Карамзина или любого другого великого классика. Но ведь человек по своей структуре не наделен бесконечной силой и зачастую нам хочется одного – просто рас-

слабиться, – я так увлекся ходом своих мыслей, что даже начал ерзать на стуле. – И вот тут то нам нужен другой друг – наш современник, слушающий ту же музыку, что и мы, ходящий в те же кинотеатры и смотрящий те же фильмы. Тот, с кем мы сможем обсудить вновь открытый бар, надоевшего коллегу или очаровательную девушку, с которой мы пересеклись сегодня в утренней пробке. Вот тут-то на помощь и приходит современная литература, открывающая наши глаза на проблемы нашей эпохи, говорящей с нами на одном, не исключено, что даже на нашем родном сленговом языке. Вот тут и нужны мы – современные авторы.

В это момент в ресторане стало как-то тише и я заметил, что моя пламенная речь увлекла не только одного моего начальника, но и даже соседние столики сидели, развернув головы в нашу сторону.

– А музыка, – я решил закончить изначально начатую мысль, – а к музыке мы обращаемся в минуты душевной меланхолии, когда нам нужен не друг, не собеседник, а психолог, способный понять наше внутреннее состояние и максимально точно разделить его с нами...

– Максим, хочешь услышать мое честное мнение?

– Да, конечно, – немного удивленный такой репликой, встрепенулся я.

– Знаешь, что делают обычно такие лентяи-писатели, которые, подобно тебе, изрядно нагло игнорируют все сроки? Они дают мне денег, приглашают с собой на встречу в ре-

сторан аппетитных красоток и еще улащают все это самым дорогим алкоголем. И я им прощаю их маленькие грешки. Ты же поступил иначе. Ты убедил меня словом. А это есть самое высшее проявление писательского дара. Признаться, я удивлен. Впервые в жизни я так легко даю литературную отсрочку. И почему-то уверен, что она действительно будет оправдана. Молодец, Максим, хвалю.

– О-о, спасибо вам, я крайне польщен.

– Только еще один вопрос.

– Да, конечно.

– Это все действительно сейчас было спонтанно?

– А знаете, я ведь просто услышал любимую музыкальную композицию и просто решил как-то оживить беседу, у меня и в планах не было действовать на Вас какими-то литературными приемами.

– А что, кстати, играло, а то я как-то изначально не обратил на это внимания?

– Смоки Мо. Это рэп, Виталий Геннадьевич, кстати, очень сильный и хороший рэп. – в этот момент я почувствовал, что стоит закруглять беседу, пока она находится на кульминации своего позитивного исхода. – Если хотите, я могу подарить вам несколько интересных альбомов современных рэперов, я очень увлекаюсь этой музыкой, на днях постараюсь Вам занести последний альбом Александра Цихова, Игоря Марсея или Саши Степанова, а сейчас, извините, но я вынужден Вас покинуть.

– Хм, ну хорошо, покидай. Но только времени на шлифовку твоего литературного шедевра даю тебе не более двух недель.

Максимально быстро направляясь к выходу, я уже искал в кармане свой Iphone, чтобы позвонить Свете и предупредить, что все хорошо и Ненси нужно немедленно удалить из редакторского кабинета. К счастью, моя PR-менеджер относилась к тому типу, который берут трубку уже после первого гудка, поэтому разговор с ней я завершил всего за одну минуту. И, находясь в крайне приятном свободолобивом настроении, направился гулять по извилистым питерским улочкам, как-то по особенному красиво освещенным сегодня солнечным светом.

Однако запланированная прогулка была сорвана вибрацией Iphone'a, сигнализирующей о звонке моего давнишнего товарища Леша – яркого жителя культурной столицы, определившего по геолокации в социальных сетях мое место нахождения и предлагающего «пересечься у него в срочном порядке».

«Напряги каждый мускул – чувствуй, Рэп не штампуется – это искусство!» – раскрылась железная дверь, выплевывая из себя веселого Артема.

– Макс! Сколько лет сколько зим! А ты чего, в Питере, что ли? Я думал: ты всюю впитываешь культурную англоязычную жизнь. Проходи давай!

Артем – мой старый компанейский товарищ. Обычный участник наших ранее еженедельных, сейчас чуть более редких квартирных посиделок. Близкий друг Леша, старший менеджер в питерском автосалоне и гроза ночных клубов.

– Я тут на одну ночь. Неплохо выглядишь! – отчеканил я, похлопав его по плечу.

На Артеме были голубые джинсы Calvin Klein и однотонно-белая футболка с принтом, изображавшим сильнодекольтированную всадницу, скачущую на мускулистом коне.

– А это у тебя взрослый Бемби? – тыкнул я в лошадь, удачно совпав в один голос с ST.

– Еще какой! – впустил меня в квартиру друг. – Рад, что английский юмор не смог испортить шуточки моего русского товарища!

– Яров! Наконец-то! – повернулся к нам Леша, открывая бутылку Leopold Gourmel AGE DU FRUIT.

– Привет! – кинул мне с кресла лысый мужчина лет тридцати в деловом костюме от Gucci – Ваня, чей-то там товарищ детства и владелец крупной строительной компании. Кстати, единственный из нас, кто имеет постоянные отношения с девушкой.

– О, Ванчоус, здрава! Как дела? Как Ника?

– Ника отлично, вчера вернулись из Испании.

– Отдых – это хорошо, – принимая от Леша стакан, заметил я и, обращаясь уже ко всем, добавил: – Ну, что, друзья, за что пьем?

– Как за что? За встречу, конечно! – садясь на диван, замечает Артем.

– Верно! – поддакивает ему Ваня.

Музыка в динамиках меняется, растекаясь в лаконичном «Я не пью, я отмечаю».

– И чтобы никогда не грустить, а только шутить и праздновать! – добавляет хозяин квартиры Леша.

– Ребят, я такую девушку сегодня видел, – вдруг решил похвастать Артем. – Приехала к нам в салон на BMW, сначала мялась, говорила, мол, замужем, а потом ничего смягчилась, – тут он внезапно прерывается. – Ежкин кот, Лех, включи чего-нибудь поритмичнее!

– Чем тебя музыка-то не устраивает? Тебе же бухать под нее, а не бедрами шевелить, – кинул на него колкий взгляд Леша.

– Так что там с женщиной-то? – спокойно продолжаю я, не особо интересуясь продолжением истории.

«Салют всем королям и всем без корон,
Салют особнякам и всем со дворов,
Салют моей волне и тем, кто другой,
Если мы вместе, тогда вы со мной»,

– заскрипели динамики.

– Доволен? – переспросил хозяин сегодняшней встречи.

– Более чем! – одновременно отвечая на оба вопроса, улыбнулся Тема, – А с девушкой меня сегодня ждет прекрас-

ный вечер в ресторане. Так что, друзья, я боюсь, мне сегодня придется с вами крайне рано попрощаться.

– Я, кстати, тоже особо задерживаться не собираюсь, – вставил в разговор я.

– Ну, здрасти-приехали! – выхлестнул руками Леша. – Максим, а у тебя-то что?

– А у меня утренний вылет и голодная мегера в номере.

– Ты вернулся? А я уж думала, что ты решил убежать от работы! – встретила меня только что вышедшая из ванны Света.

– Ну, что ты, как я могу! У меня есть целая ночь! Я обещаю наутро же сдать тебе половину книги.

– Только половину? Кстати, – продолжила Света, снимая полотенце с волос, – тебе звонила эта твоя брюнетка, просила перезвонить.

– Какая брюнетка? – я нехотя поплелся к ноутбуку.

– Я не помню ее имени, ну та, что красивая, которая еще всегда помогает мне разгадывать кроссворды, когда мы вместе летим в самолете.

– Маша??? – я резко повернул голову.

– Да, точно, Маша! С фамилией еще такой звучной, Царицына, кажется?

– Королёва, – заперев дверь, я тут же принялся набирать подругу в скайпе.

– Максим, привет! Наконец-то ты объявился! – улыбку-

лась мне темненькая девушка в коротком спортивном топе, подчеркивающим шикарные формы, и облегающих леггинсах.

– Привет, Маш! Да, я в Питере сейчас. Ну, ты же знаешь, дела... А ты чего такая? С тренажерки что ли?

– Нет, мы с Сержем решили совершить пробежку по Нью-Йорку. А какая такая? – разлился прекрасный звонкий смех.

– Сексуальная.

– Ахах, Яров, я тебя умоляю, оставь свои подкаты для твоих глупых девиц!

– Я серьезно, honey.

– Я тоже. А про дела не ври, знаю я, как ты работаешь! Опять, – Маша сделала вид, что закашлялась, дабы не портить культурный диалог не очень стилистически нейтральным словом, – своих curly blonde.

– Маш...

– Яров, я тебя с детства знаю! Ладно, я чего звонила-то! Завтра же все по плану? Мы едем к Шаниповой?

– Да, конечно, – расплылся в улыбке я, наблюдая за грациозными манерами Маши.

– Я, кстати, ей купила просто невероятное украшение! Ох, Яров, завтра она твоя!

– Несильно-то и хочется... она же костлявая и еще чокнутая на всю голову, как все эти топ-модельки...

– Так, Яров, соберись! Ты же хочешь мне помочь?

– Это все и есть ТОЛЬКО ради ТЕБЯ! – как ни стран-

но, эти слова звучали настолько искренне, что я осознал, как впервые в жизни мне действительно хочется сделать приятное кому-то, кроме себя... Странно, когда я успел так привязаться к Маше?

– Кстати, ты слышал об открытии нового клуба в Москве?

– Что? Я предпочитаю, Нью-Йорк, hohey, ты же знаешь.

– Да нет, Яров, там будет просто бомба! Вся элита уже стоит на ушах! Все только и говорят, что о нем!

– А обо мне?

– О ком? Макс, ты не пуп Земли, свыкнись с этим! Неужели ты правда не слышал про эту новую скважину тусовок?

– Ну, вроде доносилось что-то... Название с кино связано или что типа того...

– С кино? Ну, у тебя, Яров, и ассоциации! Ну да, Апокалипсис4В.

– Я же говорил с кино.

– Давай в самолете обсудим, – попрощался со мной сладкий голос грациозной царицы, когда сзади показалась волосатая мужская рука, отобравшая у меня собеседницу, обнимая за талию.

Не дождавшись моего ответа, меховая Королева отключила звонок.

И что она нашла в этом «Серже»? Хотя за все время, которое я ее знаю, мне удавалось заметить смену ее партнеров всего трижды: сначала был этот сопливый мальчуган с зачесанными назад блондинистыми волосами, быстро охмутив-

ший ее еще в школьные годы. После этого она явилась на мою презентацию с хахалем, который оказался уже упомянут в нашем с ней диалоге. Это Александр. Нет, мужским вниманием Маша никогда не была обделена. Наоборот, являлась самой лакомой ложечкой варенья в яркой светской тусовке и собирала на себе кучу богатеньких мух мужского пола. Но дальше цветочков-комплиментов и иногда скромных походов в ресторан Маша насчет кавалеров не распространялась – слишком порядочная, слишком воспитанная, что, безусловно, роскошь в наши-то дни.

Ладно, о Маше позже, сейчас главное другое, а точнее – эта чертова книга! Fuck, и о чем я должен ее писать? В голову не лезло абсолютно ничего, и, чтобы немного поднять творческий дух, я включил трек ST «В тот день, когда»

– Максим, у тебя все в порядке? – постучалась в дверь Света. – Как там твоя женщина?

– Кто? – недоумевая, обернулся я.

– Ну, ты же сам сказал, что пишешь о женщине?

– Я? А, ну да, конечно. Она уже стучит каблучками и вот-вот выйдет из книги! – попытался прибегнуть к помощи метафор я.

– Смотри, чтобы не убежала! – огрызнулась PR-менеджер.

Вот какой бес меня дернул тогда на трапе за язык? И о какой такой женщине я теперь должен писать? Может, о Мерлин Монро? Хотя я же не писатель-биографист. А может, о Светке? Не-е-е! Точно нет! Не хватало той мегере еще в

книжку попасть! Аня? И о чем я напишу? О ее бурном графике и наивном мышлении? Нет, писать о ней – заранее обречь книгу на провал! Хотя она же все-таки секретарь в издательстве? Все равно нет! Я же не мазохист! Так, кто у меня тут есть еще? Шанипова... Не то. Катя? Даша? Фекла! Клаша!. Фу, блин. Все это грязь! А для книги нужно что-то возвышенное, светлое! Вот, черт, у меня же даже таких и знакомых-то нет! Хотя почему?! Есть же Маша. Но как-то странно мне посвящать ей роман... Хотя... Она яркая, добрая, умная, что немаловажно. Блин, что за набор примитивных прилагательных?! Нужны события! А Маша что? Маша владеет успешной меховой маркой. Маша недавно рассталась с Александром и сошлась с Сержем. Маша – звезда клубных тусовок. Маша – гроза всех...да, черт возьми, ВСЕХ! Маша – гроза всех! А это просто идеально для целой повести!

Я открыл ноутбук. Ввел пароль. И создал новый вордовский документ. Так... Заголовок: «Маша». Блин, простокваша!

Как-то глупо все это! Тут нужно что-то яркое, пылающее, отображающее всю ее внутреннюю сущность! Может, «Звезда»? Нет, как-то слишком примитивно для такой шикарной женщины. «Пожар»? А это уже грубо. Надо нейтральнее. «Огонь»? Точно! Да! То есть нет! «Огонь» – это на уровне школьного сочинения, а вот «Огненная вселенная» – это самое то! Мм... и все-таки нет... хочется ярости, страсти, температуры! Точно! Температура! «Пылающая вселен-

ная»! Да! То, что нужно! Ну, вот и все! Полдела уже сделано! Осталось самое легкое – заполнить содержание... М-да. Чем я должен его заполнять?... Ладно, попробую...

«Шелковистые волны цветущих изысканностью волшебных роз волосы, подобно феромонам любви, развевались в романтическом американском воздухе» О-па! Вот как! За раз и такая выразительность письма! Вот что значит поставленный слог! Надо бы свести Машу с парнем! Только не с этим ее Сержем, а с настоящим, любящим парнем. Так, все, поехали. «Шаловливый изгиб мягких, как облако надежды, губ и обволакивающий, но такой пронизательный взгляд усталых, но до дрожи в коленках влюбленных глаз напротив так нежно обнимали его принцессу. Они стояли одни в центре огромного Нью-Йорка и смотрели друг на друга. Просто смотрели. Более им ничего не было нужно. Этим вечером она должна была улетать в Москву – уже завтра у нее показ новой коллекции. Она вся была окована волнением, и, несмотря на то что неопикуемой красоты шедевры уже много лет одевают столичную элиту, она все равно всегда волнуется, как впервые. Ибо каждая коллекция для нее – ребенок, взращенный и вскормленный ее старанием и усердием. Она не хотела покидать любимого, так не вовремя заточенного в кандалы навалившейся работы, но она хотела подарить жизнь своим новым шедеврам. Она не была карьеристкой, хотя карьера, безусловно, имела на неё влияние. Но она могла спокойно подавить ее лидирующее место в сво-

ей судьбе при малейшем желании, только вот это желание у нее никогда не возникнет, так как живет она только для себя. А успех ее модного дома – это неотъемлемая часть ее самой. Она любит. И любовь ее страстная и искренняя, и она находит в ней удовольствие. Но разве нужно любить как-то по-другому? Любовь – это волшебный цветок, способный осчастливить. Так почему же, заполучив к нему доступ, мы не превращаемся в непоседливых пчелок, так кропотливо собирающих нектар этого самого счастья?! Ни один влюбленный не сможет подарить счастье, не испытав его сам. Так почему мы так боимся его? Она не боится! Она живет этим! И ее жизнь прекрасна, потому что прекрасна она сама! И дело даже не в ее локонах, пытливом взгляде или искреннем блеске глаз. Нет! Дело даже не в в той причине ее улыбки, что стоит напротив нее или той, что ждет ее в Москве, упакованная в десятки чехлов и подписанная именами моделей. Нет! Дело в ней самой! Точнее, в той волшебной феерии, которой она пропитана, которой одержима вся ее сущность... Но не только жизнью ради своей внутренней улыбки одержимы ее мечты. В столице ее ждет отец – самый преданный поклонник ее оживших меховых рисунков. Больше всего на свете она мечтает, чтобы его старческие морщины выражали лишь искреннюю радость, и это отражено в ней во всей. Все ее действия, мысли, поступки не могут быть совершены, сказаны или продуманы без ее тщательного контроля. Она всегда помнит о том, что из всех многочисленных корон, так

величаво покрывавших ее голову, самой яркой всегда будет только одна. Корона настоящей Дочери... дочери, продолжавшей своего отца, причем продолжавшей достойно, ибо, получив жизнь и приняв в подарок возможность видеть свет, мы уже испытали самое главное счастье, потому как ни один человек не был более счастливым, нежели в момент своего рождения... Всю жизнь мы будем пытаться поймать то самое ощущение, но не сможем... Да, возможно, мы будем искренне улыбаться, смеяться или даже хохотать, но все эти эмоции ни за что не сравнятся с первым знакомством с Землей, ибо только та радость была самой настоящей. А виной нашей самой первой улыбки были наши родители. Люди, без которых не было бы ничего. Она это твердо знала. Встреча с отцом всегда была приятна не только ей, но и ее маленькой четвероногой частичке, которую многие по ошибке называли собакой. Она же, услышав такие доводы, категорично махала головой и, смеясь, отвечала: «Да какая же это собака?! Собаки любят грызть косточки, охранять хозяев от неприятелей и резвиться в уличной грязи. А мой (тут она всегда прерывалась на смех) любит лизаться да ушами шевелить. Он не собака, нет. Он ангел, подаренный мне кем-то свыше». И, возможно, это было действительно так, потому как ничто так не светилося любовью в тандеме с ее улыбкой, как игривый лай ее Наполеона. Имя ушастому спутнику жизни тоже было выбрано не случайно, так как, владея в совершенстве знаниями по истории, она не могла не влюбиться в этого героя-полко-

водца, прошедшего тяжелый жизненный путь становления личности. Единственное, за что она его осуждала, так это за войны. Она не могла понять, как можно причинить боль кому-то, а уж тем более лишить его права писать свой роман и свою историю... Она, обладая феноменальным даром убеждения, могла бы пойти в юриспруденцию и добиться грандиозных успехов в адвокатуре. Но ее натура не позволяла ей этого. Она слишком ранима и слишком восприимчива к чужому горю... Это ей очень часто мешало, но не являлось ее недостатком, а наоборот, делало ее самым приятным собеседником. Несмотря на чудесную сердечную доброту, она не была излишне сентиментальна в беседах. Она очень остра на язык. Ее фразы полны сарказма, а иногда и доброй издевки. Она обладала гоголевским даром – умела подмечать в человеке его выдающиеся дефекты, но в отличие от гения русской литературы, она не подавалась в насмешки, а лишь добавляла сатирического психологизма в свои реплики. И несмотря на столь странную привычку, она до сих пор никого не обидела, ведь весь ее юмор, иногда даже очень черный, всегда был к месту, что опять же делало компанейским человеком и душой любой компании».

– Ну, и что это?

– В смысле? – еле разлепляя глаза, уставился я на выросшую передо мной Свету, непонятно как очутившуюся в комнате.

Посмотрел на ее наручные часы – шесть утра.

– В прямом! Начало – вроде романтическая история, а дальше что? Сплошной бред влюбленного! Ты уверен, что он тут нужен? Это по замыслу?

– Кончено, baby. Ты уже подготовила самолет для полета в Милан? – только проснулся, а уже думаю о делах.

– Милан? А ты обещаешь писать в полете? Потому что этого, – она потрясла в руках распечаткой из моего ноутбука, – мало!

– Обещаю-обещаю.

– Слушай, Макс, а кто эта девушка? Она реальна? – Нет.

– Не ври мне! Собачка, шубы, ранимость к чужой боли, острый язык. Ты пишешь о Королёвой?

– Не о Королёвой, а о Маше. Ну, не тебе же книжки посвящать, – уже из душевой кабинки донесся мой крик.

– Яров.

– Что? Тема – это мой личный выбор.

– Да нет, я не об этом. Ты влюблен в нее?

– Что? Ты дура? – надевая брюки, уставился я на свою пиарщицу.

– Просто такое нельзя написать просто так.

– А может, я под впечатлением. Откуда ты знаешь?

– От кого ты под впечатлением? От этой блондинки из издательства? Ну, да, есть чем впечатлиться.

– Ты девушка, тебе не понять.

– Ну, конечно. Да не бегай ты по комнате, как ошпарен-

ный.

– Угу.

– Да, и кстати, зачетное название!

– Always at your service.

– Сюрприз! – закрыли мои глаза чьи-то мягкие ладошки.

– Маша? А что ты тут делаешь?

– Почему ты всегда так быстро меня отгадываешь? – улыбнулась мне шикарная брюнетка в лавандовом платье-резинке и огромных очках Prada.

– Потому что только у тебя такая медово-бархатистая кожа.

– Ахах, Макс, перестань. Да, у Сержа появились какие-то дела в Спб, да и вообще нам нужно обсудить кучу деталей!

– Нам с тобой?

– Ну, нет, мне с Наполеоном! Яров, соберись, мы к твоей девушке едем! Ты пока проходи в самолет, а я попрощаюсь с любимым.

– French passion?!

– Pure love! – не знаю почему, но мне стало как-то больно от этих ее слов. Как она может любить этого старого неотесанного французишку?! Слишком ангельская она для него, слишком возвышенная...

– Маш, – хотел было начать я ряд однотипных вопросов, мол, что она в нем нашла и как вообще его терпит, но быстро одумался и добавил – Приятного полета.

– Что? Honey, с тобой все в порядке? Ты не пере... Хотела было сказать «перегрелся», но ты же, исходя из рода деятельности твоей профессии, лучше будет звучать «переписАлся»?

– Чего-то ты все усложняешь, а я просто thoughtful, я же за тебя волнуюсь! Хотя, зайка, полет со мной, собственно, как любое другое дело – уже априори, обещает быть приятным!

– Nutcase!

– Маш, скажи, а как ты собираешься развести ее на контракт? Она ведь обычная моделька. Сама даже ничего не решает. Не легче ли просто позвонить в агентство и договориться, ничего не драматизируя? Или ты надеешься на дружескую скидку?

– Очень дружественную! Особенно везя в сумке такой драгоценный ларчик! Ты хоть посмотри, что я выбрала.

– Honey, я полностью доверяю твоему вкусу! Во-первых, я тебя знаю с детства, и еще ни разу ни одно твое платье меня не оставило равнодушным, а во-вторых, ты же дизайнер, а следовательно, человек, сведущий в моде гораздо лучше меня.

– Не подлизывайся! Да просто, понимаешь, с ее бешеной популярностью и ненарочито просто славянской внешностью она оккупировала пробивным потоком милovidности страницы всех глянцевого журналов, а эта глянцевая кипа страниц уже прочно заняла место современной библии. Стоит ли говорить, что ежедневно созерцая улыбки идеального личика этой славяночки, дамы очень быстро короновали

ее в модернизированное воплощение Иисуса и моментально сделали свои кумиром. Поэтому теперь платья, туфли, сумки, блески для губ или любая другая дамская утварь, к которой так или иначе имеет отношение Шанипова, автоматически становится номером один в списке покупок любой особи женского пола, причем неважно, кто это будет, школьница из Тюмени или светская львица из Парижа.

– Хм, допустим, встреча с ней для меня уже стала менее противна. А дальше-то что?

– А дальше, Яров, включи бизнесмена! Отгадай, почему с прошлого месяца у всех девушек моментально заблестели губы?

– О, а ты тоже это заметила?

– Да потому что Шанипова снялась в рекламе блесков коллекции «Зеркальное сияние» от L'oreal. Теперь, читая формулу товарного успеха в fashion-индустрии, догадайся, как заставить всех девушек украсить свои хрупкие ключицы теплыми манто от Королёвой?

– Мой вопрос остался тем же. Почему не звонок в агентство?

– Да потому что я не одна такая умная, Макс! Эту формулу уже давным-давно вычитали все директора по маркетингу сферы модных товаров и услуг, поэтому следующая свободная дата у Шаниповой, которую ее агент предлагает для продажи, светится золотым знаменем аж 28 июня 2016 года! Да она к тому времени уже состарится и пять раз попу-

лярность потеряет! Однако свободное время, предлагаемое для покупки и просто свободное время, согласишься, – это разные вещи. Ведь мы едем к Шаниповой сегодня, в 2014-ом, и она будет свободна, ты тоже познакомился с ней в клубе, а то есть тоже в ее свободное время. Исходя даже из тех временных дыр, о которых известно, уже можно сделать вывод, что отдыхает она минимум дважды на неделе и, безусловно, этим временем очень дорожит, но ради любимого человека и его самых близких друзей, согласишься, можно пожертвовать и не таким?!

– Ого! Вот это схема, Машуль! Но ты ведь понимаешь, что «я недостаточно крут, чтобы играть в Бога» – я вставил яркую цитату СмокиМо – я ведь даже имя бы ее не помнил, если бы не ты, да и вообще, единственное, что между нами было, – это одноразовое соитие, поэтому о какой искренней любви ты говоришь?

– Знаешь, Макс, я тоже так сначала подумала, но услышав бешеные нотки радости в ее тоненьком голоске, прозвучавшем, когда ее слух поласкал твой суровый тембр, я успокоилась. Она на тебя запала. Поверь, я в этом девушка сведущая.

– Сведущая в чем? Разбираешься в том, на кого подействовали мои феромоны, а на кого нет?

– Твои-то на всех действуют, ты тот еще самец. А сведущая в модельках, не зря я в этой сфере самые лучшие годы своей жизни прокутила! Она еще молоденькая, да и к тому же русская, поверь, ей еще не деньги нужны, а благородное от-

ношение.

– Еще?

– Еще! Потому что полгода таких активных съемок – и уже начнет себя ценить. А дальше... Все будет исчисляться только в деньгах... Знаешь, мне так жалко этих закоренелых подиумных див, они ведь лишают себя просто женского счастья – любить и быть любимым...

– Маш, – наконец-то решился я, – а ты Сержа правда любишь?

– Спрашиваешь еще... Конечно...

– А Сашу?

– А Сашу... я тоже любила, причем так сильно, что мне казалось, испытываю то самое заветное чувство, которое, по канонам французских романов, снисходит на людей лишь раз в тысячу лет... Я дышала им, питалась его запахом, жила его мыслями и целями. Он тоже. Мне казалось, что мы были самой счастливой парой на свете. У нас был огромный дом в пригороде Парижа, который мы обустроили как уютное любовное гнездышко. Он даже сказал, что, возводя это строение, мы воплощаем облик нашей любви, а я тогда улыбнулась, поцеловала его и поклялась вечно любить только одного его... Особняк действительно получился сказочным, многие газеты даже писали на нас жалобы, обвиняя в том, что мы затмили сам Лувр, а мы в ответ лишь смеялись и говорили, что любой дом способен заиграть красотой, если в него поселить столь чистую любовь. Все было так идеально,

и мне казалось, что ничего не может помещать нашему счастью! Но не тут-то было... Все Сашины акции, как по заказу, начали дешеветь, он их сбрасывал, покупал новые, но и с теми вдруг происходило то же самое! Тогда мы подумали, что нас прокляли, поехали в церковь, поставили свечку, помолились, и все вроде вновь пошло гладко. Но не надолго... Черная финансовая полоса вновь накрыла нашу семью... И тогда ни свечи, ни церковь – ничего уже не помогало... Саша резко охладел ко мне. Я его понимала, я думала, что все это из-за проблем на работе, я всячески пыталась ему помочь, но он отталкивал меня. И знаешь, если раньше его заветных выходных я ждала с неопишуемой радостью, бегала по дому, всем улыбалась, танцевала вальсы с прислугой, в общем, испытывала ощущение доброй феерии, то сейчас, осознавая, что наступает выходной и он вновь проведет его дома, вновь будет угрюм, будет на вех кричать и даже, возможно, поднимет на меня руку, я плакала... Плакала, а потом терпела. Но со временем и этого уже не стало. Он вообще перестал проводить выходные вместе со мной. Мне было так больно. Я понимала его, он же переживает, ему ведь так плохо... Я была готова все понять и даже вытерпеть, что теперь он стал приходить домой только под утро... С размазанной красной помадой на вороте рубашки. Мне он, конечно же, говорил, что это случайность, что они просто пошли выпить с друзьями, и один из них был с женой, и та напилась, и ему пришлось помогать приятелю нести ее до лимузина, и он слу-

чайно вымазался в ярком пигменте... А в последнюю ночь, – Маша вдруг заплакала не на шутку и практически без сил бросилась мне на грудь, – я застучала его с женщиной... Я должна была идти на тусовку с подружкой, но в последний момент поняла, что забыла клубную карту, возвратилась домой, а там, – Маша перешла на шепот, – а там он с этой блондинкой... Оба голые прямо на нашей с ним кровати... А эта дура еще смеется, примеряет мои украшения, вертит в руках кулончик в виде двух крылышек ангелочка, который мне подарил Саша на годовщину нашей пламенной любви... В этом кулончике еще внутри две наших фотографии, как символ вечной любви. А он, – Маша снова закричала, – а он ржет и ее везде лапает! Представляешь! – Маша зарыдала еще сильнее и, чуть успокоившись, шепотом продолжила, – я в тот вечер думала, что умру! Мне было так плохо, я даже повеситься хотела! И знаешь, чуть было не... да дворецкий вовремя проснулся... Последующие три дня я провела в Париже.

На какой-то попутке доехала до города и просто слонялась по улицам. Ничего не слыша, ничего не видя... Я больше не могла даже видеть его... Я переехала жить к родителям, но о причине нашего с Сашей расставания ничего не говорила... Не могла... а потом его акции совсем обесценились. И тогда я официально объявила всем светским изданиям, что бросаю его. Это было максимально выгодным для меня решением, потому что сообщить о нашем разрыве я успела рань-

ше него, а исходя из ситуации обвала его акций, все, по сложившимся стереотипам, списали наше расставание на мое недовольство его нынешним финансовым положением. Исходя из законов современных отношений, все было максимально логично. Никто и носа подточить не мог. Я – меркантильная сучка, которую интересуют в мужчинах только деньги, он – разорившийся олигарх... Знаешь, мне гораздо легче оправдываться перед журналистами, причисляющими меня к разряду типичных стерв, желающих пожить, чем разгласить всем реально происходящие события... Понимаешь, Макс, я бы не вынесла испытания постоянно вспоминать любимое мужские тело, так ехидно лапающее эту дрянь... пусть этим скандальным шагом я и подпортила себе репутацию, но зато сохранила достоинство и нервы... Я не хочу, чтобы кто-нибудь меня жалел. Смейтесь, тыкайте пальцем, говорите, какая я бессердечная, но только не теребите больную мозоль...

– Машулечка, ангел мой, прости... Но почему ты сразу не рассказала это мне, мы же друзья детства, тебе бы сразу стало легче?!

– Тебе?! Макс, я даже папе ничего не рассказала. Только Наполеону... Слишком уж сильную боль причинил мне Александр... А потом на моем жизненном пути появился Серж – начал за мной бегать, дарил какие-то цветочки, присылал огромные коробки французских пирожных, пел песни, посвящал стихи... А ведь после расставания с Сашей мне

казалось, я никогда больше не смогу никому открыть своего сердца... но ухаживания Сержа были настолько милы, что я согласилась на дружбу... А потом, сама не заметив, как в одной из прогулок на Эйфелеву башню поняла, что улетаю от любви... Знаешь, а может, в судьбе уже все предначертано?! Ведь из миллионов стран и городов для строительства своего дома мы с Сашей выбрали именно Францию – родину Сержа. Может, судьба таким образом просто подтолкнула меня в его объятия?! Ох, ладно, хватит уже о моих отношениях! – внезапно взбодрилась красавица, – давай лучше о твоих поговорим. Ты уже придумал, куда поведешь сегодня Шанипову?

– Маш, я, правда, не знал, что у тебя такая история...

– История, Максим, в учебниках изложена и в школах изучается, а у меня так... бытовая драма...

– Тогда уж любовная мелодрама, причем вся и весьма трагическая. Маш, прости меня еще тысячу раз, я, правда, не знал, что все так, ты ведь даже не намекала, и я, козел бездушный, поддался газетным слухам и, правда, считал, что ты с Сашей была только ради денег. Но я не верил этому, правда! Я ведь знаю тебя с детства, и прекрасно понимаю, что ты не такая...

– Все, Макс, успокойся, я не для того тебе все это сейчас рассказывала, чтобы ты принялся меня жалеть. Просто как-то накатило... Это ты меня извини. Все, закрыли тему.

– Хорошо. Если ты больше не хочешь это обсуждать, то

давай сменим тему, только, пожалуйста, давай не о Шаниповой. Расскажи лучше про этот московский мега-клуб.

– Про Апокалипсис4Б?!

– Наверное, я в этой вашей хиромантии не разбираюсь, – попытался отшутиться я, чтобы немного взбодрить Машу.

– А вот зря ты так, Яров! Между прочим, идут слухи, что это новый проект Вадима.

– Семеновича Спирина – владельца самой успешной сети ресторанов, его заведения уже покорили вкусовые рецепторы гурманов из самых разных уголков планеты.

– Да, знаю-знаю, в светской жизни все-таки просвещен не менее тебя, – спокойно сказал я, вспоминая Аню, питерские встречи с которой всегда начинаются в заведениях именно этого ресторатора, даже странно, что в этот раз удалось откосить от этого, чудом сорванного моей занятостью, акта – у него еще жена светленькая шатенка, в журнальной хронике ее обычно подписывают как дизайнера интерьеров, хотя, насколько я знаю, из достижений в этой сфере у нее только дизайн гостиной в собственной вилле во Флоренции.

– Да, Валерия, ну насчет гостиной я, конечно, не знаю, дома мне у них бывать не приходилось, но на тусовках часто с ней видимся, и могу сказать, что она преприятнейшая леди.

– Да, видел я ее, та еще львица, признаться, если бы не авторитет Аркадия Семеновича, давно бы за ней приударил... Ох, вспомнил, и аж мурашки пробрали! Слушай, а чего это он за клубный бизнес взялся-то, он же вроде только кухон-

ный человек?

– Не знаю, выгодно, наверное, но нам-то какое дело, наоборот, только лучше! Ты был на открытии его нового ресторана в Чикаго? Знаешь, таких fire-шоу не было даже на моих днях рождения, хотя мой папа – искренний фанат забав с огнем и каждый год заказывает мне самых профессиональных мастеров этого дела! А музыка, ты ее слышал? По-моему, в этот вечер по обычно шумному Голливуду гулял только ветер, так как все celebrity были там в Чикаго! В общем, Яров, я ожидаю от этого места самых захватывающих эмоций!

– Да, на зрелищах Спирин скупиться не любит. А ты точно уверена, что это его клуб?

– Если честно, то нет... Слухи ходят, но официальной информации пока не поступало... Но новость об открытии этого места уже подняла на дыбы всю элиту, так что не знаю, как ты, а я точно пойду на открытие.

– С французом?

– Нет, Серж светскую жизнь на дух не переносит!

– То есть ты собралась иди туда одна? Ну, уж нет, я тебя так не отпущу, а если тебя там кто-нибудь украдет?! А ты такая аккуратненькая, тоненькая, даже отпора дать не сможешь! Всё. Решено. Я иду с тобой.

– Honey, что со мной может случиться на охраняемой светской тусовке?! Но именно этого ответа я и ждала, пора бы нам уже начать развлекаться вместе.

– Хм, развлекаться... А я не прочь. Причем даже если

речь пойдет не только о клубках.

– О! Вот запомни эту свою улыбку, сохрани и подари Шаниповой. Поверь, девочка не устоит! Кстати, мы уже снижаемся на посадку.

Мы сидели на террасе уютного миланского кафе с улыбочивыми официантами и крайне душевной домашней атмосферой, на Машинном улыбающемся солнцу личике сияла добрая радость, а глаза выражали чувство искреннего восторга, кротко бегая по сторонам, будто бы здороваясь с каждым фрагментом красавицы Италии. В этот момент мне почему-то пришло в голову сравнить нас с любящей семьей, беззаботно проводящей выходные в городе мечты – в Милане. Я, как отец семейства, сидел, откинувшись на стуле и свесив ногу на ногу, и наблюдал феерию, излучаемую красавицей женой, вполне возможно, что у меня своё издательство в русской столице, а живем мы здесь, ибо только в Италии можно найти настоящую гармонию. Моя очаровашка-дочка учится в местной школе, а вон как раз подъехал ее розовый Lamborghini, и она, быстро выпрыгнув из салона, уже бежит к нам, сжимая в руках крохотный портфельчик и сияя невероятной улыбкой, отражающей всё ее детское счастье...

– Хей, Макс, ты чего уснул, что ли?! Ау-у, просыпайся, давай! Не видишь что ли, Шанипова уже подъехала, – вырвала меня из мечтаний размахивающая руками Королёва.

– А? Что? Где?

– У-у-у, что, правда, спал что ли? Да вон же она из Lamborghini вышла, рукой тебе машет.

– О, а машина-то, кстати, как у тебя! Даже цветом такая же – розовая!

– Да заметила я уже! Потом обсудим. Помаша ей хоть.

– Я повиновался.

– Bunny, как я рада тебя видеть! – обвили мою шею художавые ручонки топ-модели.

– Катя! Я так соскучился! О-о, ты просто отлично выглядишь! – соврал я, осматривая ее рваные джинсовые шорты и обнажающую пупок короткую клетчатую майку.

– Правда? А я только что со съемок, как говорится, в чем была, в том и пришла, но я очень рада, что тебе понравилось! Ой... здравствуйте... точнее... Hello, – изменилась в голосе девушка, заметив, что я не один.

– Привет, меня зовут Мария Королёва, я подруга детства Максима, ты не подумай, я вовсе не хотела вам мешать, просто постоянные разговоры моего приятеля о твоей сумасшедшей привлекательности не могли оставить меня равнодушной, и я посчитала своим долгом познакомиться с тобой, – залилась пламенной речью Маша.

А она еще и неплохой психолог, так проникательно укрыла ряд льстивых комплиментов под доброжелательными эпитетами... А самое главное, как правдоподобно-то! Смотри на ее этюд, даже я поверил, что люблю эту сопливую девчушку... Тьфу! Тоже мне, карьеристка! Блин, где она научи-

лась так очаровывать людей?

– Правда? – засияла Шанипова. – Любимый, ты рассказывал обо мне своим друзьям? Знаешь, а я когда тебя увидела, я сразу поняла, что ты не такой, как все. Что ты добрый, прощительный. Макс, ты просто чудо! – с этими репликами моделька кинулась мне на шею, а я, явно не желая нести на себе тяжелую ношу верного любовника, показал Маше смачную фигуру.

– Катенька, да ты присаживайся. Ох, как я тебе завидую! Макс так любит тебя! – продолжила меховая королева.

А я, осознавая, что она явно перегибает палку, рьяно наступил ногой ей на туфлю.

– Я тоже. А Вы тоже русская? – явно не демонстрируя особого интеллекта, поинтересовалась на чисто-русском Шанипова у девушки с именем из русско-народных сказок.

– Я да. Катюш, я не настолько стара и не настолько многого еще добилась в жизни, чтобы мне «выкали», давай на «ты»?

– Да, конечно, Маш.

– Нас прервал неожиданно подошедший официант.

– Ой, я так проголодалась, вы не будете против, если я тут плотненько поем? А то вы сидите с круассанами, боюсь вас засмущать – не дожидаясь ответа, Шанипова заказала какой-то зеленый салат и стакан апельсинового сока и, чтобы не тухнуть, подмигнула мне и дозаказала две бутылки белого вина, на что мы с Машей одновременно вытаращили глаза.

– Маш, а ты видела новую коллекцию платьев у Prada?

– Да, конечно! Потрясающая коллекция! Я сама, являясь дизайнером, могу смело отметить неповторимость авторской задумки кроя и... – начала было свой подкат к топ-модели элегантная леди, но был прервана.

– Согласна. Так почему бы тебе не прошмыгнуться? купишь себе что-нибудь, – абсолютно без эмоций выдала Шанипова, совершенно обескуражив Королёву, явно не ожидавшую такого прямого отшива.

– Ооо, sweet girl, ты как всегда блистаешь идеями! Точно! Ты ведь даже не догадываешься, как Маша потрясающе разбирается в моде, у нее просто невероятное чувство вкуса, шубы ее дизайна выбирают самые яркие светские львицы русской столицы! – попытался спасти ситуацию я.

– Bunny, я думаю, ей стоит пойти туда одной! А мой агент, кстати, пожаловавшись в агентстве, что такая успешная модель, как я, не может жить в общей комнате с какими-то там провинциальными недоделками, выбил номер в одном из самых крутых отелей Милана. Не хочешь зайти посмотреть? – приспустив лямку топа так, чтобы обнажилась грудь, схватила меня за коленку Шанипова.

– А, да, точно. Отличная, идея, Кать! Кстати, Макс, отдай мне мои серьги от Cartier, которые я отдала тебе на сохранение. Ну, помнишь, у меня порвалась ручка от сумки, и ты доброжелательно предложил свою помощь, – быстро сориентировалась Маша и, резко встав, отправилась вон из кафе.

Шанипова даже не повернулась. Заметив это, Маша показала мне жест, означающий, что она будет ждать моего звонка.

– Катя, так нельзя, она моя подруга, – оставшись наедине с моделью и мысленно проклиная тот вечер нашего знакомства в клубе. сказал я.

– А я твоя девушка, и я тебя хочу. Ну, что, поехали или так и будем тут сидеть?! – не поднимая лямки возразила моя «любовь».

– Макс... Макс! – тенью мелькали проносящиеся мимо воспринимаемой мною волны звуков тихие женские крики. – Уф, ну, наконец-то!! Догнала тебя! Куда ты так вчесал то? – словно пламенная роза на дикий айсберг, опустилась на моё плечо Машина ручка.

– Honey? Что ты тут делаешь? – искренне удивился я, разглядывая в полумраке силуэты лавандового платья.

– Не поверишь! Из Prada вышла, или куда там сейчас модно посылать? А если серьезно, то выполняю обычную миссию любознательного туриста культурного итальянского городка – посещаю Duomo di Milano, я так понимаю, ты тоже?

– Да... Я так рад встрече с тобой... Знаешь, даже не удивляет тот факт, что пути наших вечерних прогулок-размышлений сомкнулись именно здесь, ведь этот собор – это как Эйфелева башня во Франции, как Эрмитаж в Санкт-Петербурге, как Кремль в Москве – место, приковывающее к себе туристов своей историчностью натуры.

– Ты прав, – с этими словами Маша прижалась очень близко ко мне.

Я обнял ее и понял, что она дрожит, я тут же снял с себя пиджак.

– Макс, а дай закурить?

– Что??? – резко округлил глаза я. – Honey, ты же не куришь? Это же вредит голосу, приводит к осиплости... – я начал было перечислять Машины же ответы на вопросы о курении.

– Макс, не порти этот вечер... окончательно... – на последней фразе ее голос резко изменился.

– Сильно злишься?

– Ну, а ты как думаешь? Причем ты прав! Я злюсь! Я даже не расстроена потерей контракта, я просто пребываю в бешенстве от столь хамского отношения этой малолетки! – Ладно... Уже прошло... Тебе хоть понравилось... в отеле?

– Да это бы...

– Т-с! – девушка прижала тонкий пальчик к моим разгоряченным губам. – Не продолжай. Я просто не хочу слышать подробностей... Банально противно...

– Ты такая теплая... – растерялся я.

– Правда? – моя изящная спутница залилась звонким смехом, – очень смешно это слышать, учитывая, что я вся продрогла. Ладно, – Маша вырвала у меня сигарету, – не хочешь давать, я сама возьму.

– Ты обдерешь меня до нитки... – отдался в чары ночной колдуньи я.

– Полетели отсюда? Как-то уж слишком недоброжелателен Милан ко мне сегодня...

– Хорошо, только ткни пальцем на карту, и мы тут же отправимся туда... – будто одурманенный какими-то чарами, высказал предложение я.

– А мне даже «тыкать» не надо. Я лечу к Сержу, ты к Свете.

– Ты сейчас так сказала, как будто меня с ней связывает что-то большее, чем бумажный контракт.

– Ну, контракт бывает и брачный...

– Что? Маш, ты сейчас о чём?

– А ты никогда не думал о ней как о женщине? – втягивая дым сигареты, удивила меня королева ночи.

– Что? – я поперхнулся. – О Свете? Ты ее вообще давно видела?

– Она так о тебе заботится, переживает.

– Она переживает за то, чтобы мои книжки были вовремя отданы в печать, и заботится о том, чтобы я их к этому времени успел дописать.

– Да, прости, сболтнула глупость... Просто мне ее так жаль, она всегда одна, а ведь она всего на два года отличается от нас... Только я не помню, старше она или младше?

– Я знаю, что мне двадцать шесть, тебе двадцать четыре, а её возраст меня мало интересует. Восемнадцать уже есть,

тридцати еще нет. Все. Мне хватает.

– Ох, Максим-Максим, ладно, нам пора домой.

– Кому нам? Маш, мне и здесь хорошо. С тобой...

– И мне здесь хорошо, – Маша снова прижалась ко мне. – Знаешь, я так рада, что судьба свела нас, и тогда детстве, и на презентации твоей книги. Ты такой хороший друг.

– Ты тоже хорошая... Только не подруга... Ты просто хорошая.

– Это как? Максим, я не понимаю твоей писательской литературной игры слов.

– И не поймешь, если будешь пытаться разбивать ее на хиазмы и пролепсы... будь проще, учись слушать сердцем...

Утро. Какой-то особенно тихий, патристичный ветерок купает творческие музы, парящие над ореолом моей кровати. Одиночество и творческий настрой, и кажется, это идеальная обстановка для написания не только красочного романа, но и вовсе воздушного шедевра. Вот только в голову как назло ничего не лезет... Кроме ее силуэта и этого плещущего танца лавандовых цветов, олицетворяющихся в каждом движении ее платья, в каждом изгибе ее тела... Но какой, к черту, изгиб?! Она же уехала, а он остался! По логике вещей, следующая страница должна повествовать о гениальной дрессировке ее предпринимательского дара, выливающегося в крайне успешном показе... А может, его чувства описать? Да ну... Кто это читать будет? Хм, я же читаю...

причем ежедневно... причем в своем же блоге... нет, ну а кому это еще читать, если я закрыл доступ к своему профайлу... Что я делаю? Я пишу в блог о том, как я пишу в блог?! Нет, уже, кажется, совсем утонул в этой кипучей смеси Светиных жужжаний об этом дурацком поджигающем сроке!

– О, Максим, – поперхнулась кофе моя PR-менеджер. – А ты уже закончил? Так быстро?

– Свет, ты первая женщина, которая задает мне такой вопрос.

– Яров, – на минутку покраснев, смущается девушка, но тут же взяв себя в руки, резко добавляет – Это не смешно, иди пиши!

– Вот тебе только указки не хватает, а так вылитая училка! И вообще, какого лешего ты делаешь утром в моей квартире на моей кухне?

– Контролирую.

– Свет, ты пост ГИБДД, что ли? Ты как сюда попала вообще?

– А этот вопрос, я думаю, тебе нередко приходится задавать девушкам по утречку...

– Свет, вот несмешно, а!

– Да успокойся, мне дубликат ключей твой отец выдал, он, в отличие от тебя, заботится о твоей работе.

– Прекрасно... Ладно, черт с этими ключами, помоги лучше, – я опустошенно опустил на стул.

– Конечно, Максик, а что такое?

– Суффикс лишний приплюсовала.

– Извини...

– Да написать ничего не мог, в голове одна...

– Королёва?

На ближайшие пять минут комната опустилась в неприкосновенное молчание.

– Ты ее любишь? – продолжила моя смотрительница.

– Света, что за бред? Она мой друг! – быстро выскочив из-за стола и разбив локтем чашку свежесваренного кофе, я метнулся к окну, жадно уставившись в панораму улиц.

– Так разве этим не сложнее? Макс, но ты ведь понимаешь, что это невозможно...

– Да, прости, – собрав все силы, взял себя за шкуру я. – Напишу об этом.

– Что?

– Ты бы все равно свела тему к этому, какой смысл с тобой разговаривать.

– Макс, нет... я, правда, хочу тебе помочь...

– Я знаю, чего ты хочешь.

– И чего же? – обидчивым голосом пропищала девушка.

– Книгу, вот чего. Ладно, извини, мне надо работать, позвони своему этому начальнику и сообщи, что завтра... нет, послезавтра рукопись уже будет у него на столе... ну, точнее, вордовский документ на флешке... текст на Google-почте... ну, или как ты там ему это обычно пересылаешь, – словно от комара, я отмахнулся от моей персональной Фрекен Бок

и отправился к себе в комнату.

Скандалным криком на всю квартиру кричат из колонок BASKER «Скажи, что делала ты прошлым летом», а тонкие пальцы голубоглазой Марины уже скользят по моему обнаженному торсу. «Хочу узнать все секреты твои» – и вниз подпаленной птицей летит ее кружевной шелк от Versace стоимостью две тысячи евро. «Тонкая талия» – в унисон музыке я целую идеально плоский живот и нежно покусуваю извилистую ящерицу-пирсинг, так манящую меня на подвиги. «Губы» – мы глотаем в порыве страсти обжигающий яд поцелуя. «Заставлю я все это показать» – пришептывает текст моя нимфа, шагая пальцами к моему ремню, который уже через минуту убитой коброй сползает на пол. «Феромоны за парфюмом не спрячешь» – абсолютно голая демоническая красавица склоняет голову с шаловливыми завитками и начинает облизывать рельефные кубики моего пресса, с каждым касанием опускаясь все ниже. «Губы кусаешь» – и в моих руках оказывается округлая душа героини моего сегодняшнего романа...

– Макс! – совсем не эротично и вовсе не по сценарию дверь комнаты выплёвывает испуганную девушку, с растекшей тушью и выражением лица не сдавшей ЕГЭ школьницы... Машу.

– Королёва? А какого, собственно говоря... блин, ты что тут вообще делаешь?

– Это твоя жена? – прикрываясь подушками, натягивает философское выражение лица моя музыкальная блондинка.

А я тем временем краем глаза еще раз ласкаю ее грудь и с энтузиазмом замечаю, что ее размеры не может перекрыть даже подушка... Значит, это даже не пятёрка, а спелая, сочная шестерка! Вот надо же было такому обломаться...

– Я не вовремя? Ой... я-я... – теряется моя подруга, и я уже был готов ее отпустить, но, ощущая на себе ее заплаканный взгляд, останавливаюсь.

– Нет, это Маша... мы росли вместе... Мариночка, зайка, давай созвонимся вечером?

– Что? – показывает свою цену склеенная в Vogue Cafe кукла. – Да я что тебе, игрушка что ли? – но задев взором мою золотую полку с выставленными в оригинальные узоры книги моего авторства, смягчается. – Да, я понимаю, буду ждать звонка, – и, открывая мне безупречный обзор, целует меня в губы.

– Блин, Королёва, вот ты вообще понимаешь, ЧТО ты мне сейчас обломала?

– А я тебя не держу, можешь вернуть её обратно, – подняв подбородок, сверлит меня взглядом жгучая брюнетка, а я тем временем осматриваю ее глазами – высокие бежевые босоножки с длинным голубым каблуком, сливающиеся с кожей, короткая, облегающая тело основа платья, летящая блестящая мантия, ниспадающая от груди и заканчивающаяся на пять сантиметров ниже платьевых подклада и лако-

вый красный клатч – личная гордость Маши, подаренный ее отцом, изящный аксессуар на тонкой лямке и с плавно ползущей горизонтальной змейкой из страз.

– И все-таки в Москве девушки гораздо сексуальнее! Вот в Нью-Йорке...

– Я от Сержа ушла, – словесным топором обрушилась на меня яркая подруга.

– ЧТО?? Маша, ты серьезно?? Из-за чего?

Вместо ответа мой идеал девушки рухнул прямо на меня и не в силах сдерживать эмоции громко заплакал...

– Ну, ты чего? А может, оно и к лучшему? Нет, ну, правда, вот зачем тебе он?

– Максим, ты серьезно? – обрушился на меня взгляд-метеорит. – И надень что-нибудь...

– Да, конечно, – глядя блестящие темные волосы, я потянулся за махровым халатом.

– Извини, но у меня сейчас вообще нет сил ничего рассказывать, мне просто нужна поддержка, только не эта глупая наигранность, которая ядовитыми плевками сочится из всех, а твои теплые дружеские утешения... я поэтому сразу в Москву и полетела...

– Ох, дружок, ну, что ты такое говоришь... а я всегда рядом, я же твой лучший друг.

– Макс?

– Что, мой цветочек?

– Спасибо тебе...

– За что, honey?

– Просто... За то, что ты есть.

Не теряя времени, я плотнее прижал к себе теплого цвета, покрытую блестками основу платья, но, завидев падающую на диван крохотную слезу девушки, тут же остановил свои похотливые желания и просто поцеловал ее в макушку.

– Подожди, я попрошу уборщицу заварить нам горячего чаю.

– Чаю?.. А давай как в детстве? Наш любимый фруктовый смузи?

– Ох, человек ты мой родной, – не преследуя ничего тайного, я погладил Машу по плечу, – сейчас сделают.

– Не хочу... В смысле очень хочу... Но тебя терять не хочу... Даже на три минуты... Посиди со мной...

– Хорошо...

– Максим...

– М?

– А почитай мне чего-нибудь?

– Чего-нибудь, – усмехнулся я и затащил протяжную пушкинскую строфу.

– Нет, Максим... Не хочу Пушкина.

– Ты же его так любишь? Могу достать со стеллажа Достоевского? Кажется, это его книги лишают окружающий мир от общения с тобой на целые сутки.

– Да его... но... я хочу Ярова.

– Ох, знала бы ты, сколько девушек именно в такой позе

шепчут мне эти слова. И знаешь, чем это обычно заканчивается?

– Фу... ну, Макс... ну, пожалуйста... Мою любимую, – приподнимаясь с меня, Маша, расстегнув босоножки, изящной походкой плывет к моей золотой полке и, достав определенную книгу, подаёт её мне.

– Тогда слушай, – не в силах противоречить своему ангелу, я открываю своё произведение и голосом диктора с Первого канала начинаю первую строчку, но уже к концу страницы изменяю деловому тону и, переодевшись в роль заботливого отца, рассказываю родной подруге сюжеты своих извивающихся метафор.

– Знаешь, я себя чувствую маленькой шаловливой девчушкой с двумя покосившимися розовыми бантами, прилежно засыпающую в девять вечера на коленках у добродушной Арины Родионовны.

– Эм... а при чем тут эта чудная историческая женщина?

– Не знаю... Просто еще полчаса назад я была готова напиться и... повеситься... – из глаз очаровательной брюнетки вновь выступили крупные слезы. – Но сейчас не хочется... Ты такой... душевный что ли... я с тобой себя чувствую под крылом и даже не хочется вспоминать о... – не в силах более себя сдерживать Маша ударилась в протяжные всхлипывания. – Знаешь, мне ведь с тобой даже притворяться не надо... Только с тобой я могу быть настоящей девушкой... слабой, беззащитной и абсолютно ненаигранной...

– Ууу, honey, тише-тише, не плачь...Кстати, что там насчет смузи?

– Макс...

– Что? Сладкое – оно в принципе настроение поднимает, – с этими словами я направился в сторону кухни, но, постепенно прислушавшись к шагам и обнаружив, что единственные звуки, которые наполняют квартиру, – это шлепки моих ног, резко обернулся – Хей, зайчик, я, конечно, понимаю, двадцать первый век, нанотехнологии и все дела, но машину для мысленного приготовления коктейлей эти глупые ученые до сих пор не изобрели! Вот глупенькие, правда? Сидят там, спутники на луну отправляют, сыворотку вечной молодости мешают, а про смузиделалку забыли! Нет, вот что за беспредел?!

– Ах-ах, – на месте только что выступающих слез на Машинном лице вдруг заиграли смешинки, а манящие пухлые губки изогнулись в детскую улыбку. – Нет, я, конечно, слышала, что люди творчества обычно не особо много зарабатывают, но я думала на прислугу-то тебе хватает?!..

– Ох, молчала бы! Сидишь целыми днями, свои шубки рисуешь! Серьезная бизнесвумен, блин! – по-дружески пожурил я обнаглевшую подругу, – honey, ты мою телочку видела? И как считаешь, чем я с ней заниматься планировал? Наверное, я потрудился заблаговременно отпустить всех, кто мог бы этому помешать!

– Всех, да не всех, – еще ярче засмеялась шубная короле-

ва.

– Вот извини, внезапного визита французской Императрицы я точно не планировал!

– Ой, да хорош уже подкалывать!

– Слушай, Маш, а ты как в квартиру-то попала?

– Шпилькой для волос замок вскрыла! Я же та еще шпионская кошечка! – по-звериному сложила ручки красotka, подобно скромной львице, оскланила зубки. – А если серьезно, то у тебя дверь открыта была...

– Серьезно? Нет, ну, а что, я же человек открытый, всегда рад гостям, и пусть там не строчат всякие интернет-блогеры, что я «закрит для общества».

– Ой, да забей ты на этих недостудентиков с журфака, случайно прошедших кастинги в местные издания! Я вообще привыкла доверять только Forbes'у и Harper's Bazaar'у, а ну еще StarHit'у и RHYME Magazine, куда уж без отечественного производителя-то. Уж ты-то, как литератор, знаешь, что изысканный слог и грамотная музыкальность хаизмов – это высший дар золотой окраски, стыдно должно быть его желтить. Так что я журналистов люблю, и даже более того, восхищаюсь ими, как Белинский Гоголем, но во всяком деле нужна грамотность подхода!

– Вот и хорошо, что ты их так любишь, потому что именно к написанным ими Интернет-статьям нам придется прибегнуть, чтобы найти секрет приготовления смузи.

– А ты не умеешь?

– А я похож на Аркадия Новикова или Вадима Спирина, чтобы в чудесах кулинарного искусства жонглировать?

– А может, да ну его, этот смузи? Пошли фреш замутим? – нашла самый лаконичный выход из проблемы моя чудесная подруга.

– Может, раз ты такая сообразительная, то сама и замутишь?

– Хей! Будешь много лениться – быстро состаришься!

– Ну, спасибо за добрые пожелания! А я, кстати, не боюсь. Если что, ты мне крем с гиалуроновой кислотой подаришь, или чем там морщинки лечат, и вуа-ля – я снова как новенький!

– Макс, хватит чушь молоть! О, а у тебя и соковыжималка на столе стоит! Прямо как будто бы нас ждала! – забегая на кухню, замечает Маша.

– Мне апельсиновый!

– Правда? А я думала кокосовый с кусочками спелой папайи! Максим, у тебя в холодильнике, кроме апельсинов и водки, все равно ничего нет! Кстати, а зачем тебе водка? Неужели современные феи уже ведутся даже на беленькую?

– Не знаю, это не у меня надо спрашивать. Я в Мск раз в месяц заезжаю, так что, чем тут питаются уборщицы, я понятия не имею!

– Опачки, то есть это их водка? А они у тебя суровые бабули!

– Ага, щас, бабули ей! Между прочим, лучшие девочки

модельного агентства!

– Ох, Яров, ты в край озабоченный! – шукнула на меня Маша и, не ожидая, что я встану со стула, резко развернулась ко мне. Споткнувшись о мои ступни, опрокинула апельсиново-водочный коктейль прямо мне на рубашку.

– Ой, Мамксик... я случайно.

– Блин, Маша, это же Calvin Klein.

– Ну, я же тебе не бирочку со спины отрезала... так то Кляйн Кляйном так и остался, – опустив глаза в пол, попыталась оправдаться Маша, но, поняв, что это незачем, тут же улыбнулась, – зато теперь его украшает дизайнерский принт by Koroliova.

– Ах, вот значит как! Ну, ничего я тебя щас украшу, будешь у меня в Yarov Book Company Orange Metaphor идеи черпать! – и ловя смешки из ее улыбающихся глаз, опрокинул второй стакан прямиком на весёлую подругу.

– Хей! И в чем я теперь ходить должна? – заливаясь волной позитива, кинулась на меня озорная девушка.

– Голой! А что? Фигуры тебе стесняться нечего! – дожидаясь ответа, я закинул Машу на плечо и давай кружить по комнате.

– Хей! Макс, да ты совсем strange man! ну, отпусти меня! – царапаясь когтями, смеялась моя девочка-мечта.

– А волшебное слово?

– Мне платье застирать надо!

– Опачки! Ну, ладно, это не сильно меняет дело! – изу-

мился я и, засмеявшись в унисон, потащил мокрое тело в ванную. – Ну, что, готовься, моя медовая девочка! – и с этим предупреждением мы оба упали в джакузи.

– Макс! Да, ты же... аа... ты...

– Crazy? – подсказал я девушке.

– Нет, ты не crazy! Ты marvelous!

– Ого! Офигеть, и это говорит девушка, которая пришла у меня искать поддержки в ее непростых отношениях с мужчиной?

– Какой мужчина? Не знаю я никакого мужчины! А может, я его вообще выдумала, чтобы с тобой переспать!

– Опачки! Нет, Маш, я его четко видел, вот этими вот глазами, – и я поднял руки, чтобы указать на упомянутый орган зрения, но Маша, перехватив моя запястья, изменила траекторию, направив их к своей еще обтянутой платьевоy основной груди.

– А я тебя просто напоила экстази, и это были просто галлюцинации! – выдумала крайне нереальный сюжет моя подруга и наклонилась ко мне еще ближе. – Ты хочешь меня?

– Я мечтаю о тебе, – добравшись до замка ее платья, прошептал я тихо, скользя вниз крохотной застежкой извилистой молнии.

– Тогда не упускай этот шанс, – касаясь губами моей шеи, еле слышно ответила Маша, развязывая морской узел моего махрового халата – уже единственной детали, разлучавшей наши пламенные тела.

– Я хочу попробовать тебя везде! – сжимая в руках ее идеальные ягодицы, признался я.

– Мои желания полностью совпадают с твоими...

– Знаешь, эта самая постель видела уже более миллиона обнаженных женских тел, а ведь это далеко не единственное место, которое служило приютом для моих забав, но еще никогда и нигде мне не было ТАК хорошо! – пытаюсь восстановить дыхание, признался я своей партнерше, когда мы уже лежали под одеялом.

– Макс, не надо, прошу...

– Не надо чего? Я не привык сдерживать эмоции, да и к тому же ТАКОЕ просто невозможно сдерживать.

– Нет, – резко вставая с кровати и накидывая мой халат, отвернулась от меня Маша. – Мы не должны были! Я была расстроена, ты разгорячен... Мы просто не понимали, что делали...

– Ну, ты чего, солнышко, – попытался вернуть я Королёву.

– Не трогай меня! Я не понимаю, как я могла до такого опуститься... У меня ведь за всю жизнь было только два мужчины, и оба мои официальные мужья, – закрыла лицо руками растрепанная брюнетка.

– Ну, ты чего! Разве тебе не понравилось? – хотел было отшутиться я, но, понимая всю комичность ситуации, тут же исправился, – Маш, ты права, мы просто были на эмоциях, и уже завтра мы даже не вспомним о случившемся...

– Правда? Ты так считаешь? – лихорадочно ища в моих глазах сострадание, резко обернулась моя подруга-дизайнер.

– Ну, мы же взрослые люди, и прекрасно понимаем, что просто не смогли справиться со своими эмоциями, – соврал желаемые слова утешения любящий друг внутри меня. – А сейчас иди ко мне, я тебя обниму... Как в детстве, помнишь, обеими ручками и опустив голову на шею?

– Макс-Макс... Что на меня нашло...

– Все хорошо, Маш... Кстати, твоё платье, оно высохло? Мы же вроде собирались в клуб...

– Куда?

– Я не знаю куда. Это твоя идея. Этот твой апо-апа...

– Апокалипсис4В, а что открытие уже сегодня? Блин, как-то вообще нет настроения на него...

– Я думаю, тут оставаться для нас будет еще опаснее...

– Нет! Это была не я! Я бы так никогда не поступила... просто Серж... он меня так сильно обидел...

– Может, хотя сейчас, когда мы сидим под одним одеялом, ты можешь рассказать, что случилось?

– Заткни куда подальше свою шуточки! Просто увидела его сегодня вместе с охранником.

– Эм... и что в этом такого преступного?

– Целующимся...

– ЧТО? А ты точно правильно все поняла?

– По-твоему, я такая дура, чтобы не смочь различить поцелуй от просто деловой беседы?

– Нет, ты что... А он-то хоть как-то оправдался?

– Сказал, что в молодости был... а сейчас снова проснулось желание... Макс, я не могу об этом.

– Ну, ничего себе, сюрприз так сюрприз!

– Ага, причем в коробочке с голубой ленточкой... ладно, хватит о нем... Пошли в клуб, а то уже слишком много потрясений на сегодня...

– Ты так пойдешь?

– А по-твоему, растрепанная и мокрая я уже не так привлекательна?

– Honey, ты всегда просто волшебна! А все эти Сержи, они такие идиоты, что не ценят тебя...

– Может быть... Макс...

– Да?

– Дай мне руку? Просто в глазах аж как-то помутнело от обиды...

– Может, тебе дать подушку?

– Что? Зачем?

– Ну... как... по обычной американской практике... мысленно оденешь ее в противный сердцу образ и... в ключья?

– Макс, я же люблю его.

– Но он же...

– И что? Знаешь, сердцу... ему наплевать на идиотские зрительные образы...

– Маш, а ты ангел.

– В смысле?

– Просто ты как из книжки... такая идеальная...

– Макс, нам уже пора ехать, а то опоздаем...

– Надо такси вызвать.

– Давай.

– Маш, а пока мы ждем, можно вопрос?

– Только несложный...

– С каких пор ты стала бояться трудностей?

– Я бы подколола... Но не буду. Ты мне слишком друг, чтобы при тебе носить маски... Так о чем ты хотел спросить?

– Да так, ни о чем...

Слишком сладкая искренность голоса так и не позволила мне задать свой уже много лет одинокий на искренность вопрос: «Маш, а ты когда-нибудь думала о нас в романтическом направлении?»...

Невероятным масштабом роскоши возвышался грандиозный силуэт нового заведения ночной жизни Москвы.

– Макс, – теплая рука проскользнула по моим коленкам.

– Да? – я перехватил теплую какой-то детской тревогой ладошку.

– Серж..

– Машуль. Ты сбрендила?

– Да нет... Серж... Сам посмотри, возле клуба стоит...

– Твою дивизию...

– Чего?

– Да нет... ничего... пойдешь, поговоришь с ним?

– Конечно... Ты подождешь в клубе? Просто я ведь не про-

щу себе, если сейчас не сделаю этого...

– Да, без проблем...

Мой силуэт слился с темнотой клубной арки с громким названием «Апокалипсис4В».

Больше блог не обновлялся.

Полина Волкова

Пряный душистый вечер. Распахнутый оконный проем веет свежим дуновением легкого апрельского ветерка. Воздушной музыкой греют уши теплые песни птиц и радостные крики соседских детей, играюще перебрасывающих мяч друг другу в какой-то непонятной, пожалуй, даже им самим траектории. И кажется, нет ничего на свете прекраснее, чем окружающий мир со всем его многообразием красок, запахов и вечеров, так безмятежно паривших легких облачком гармонии. И думается, будто жизнь в своем рисунке воплощает все оттенки, которыми только может отливать счастье... Если бы не одно НО... Пластиковая форточка была наглухо заперта, и вместо приветливого ветерка в нее нагло ломился суровый сибирский апрельский ветер, по своей силе ничуть не уступающий февральской буре, поэтому мечты о нежном дуновении счастья оставались лишь заоблачными фантазиями. И даже во время проветривания минуты душевной феерии никак не могли дать себе волю зацвести звонкоголосыми детьми, ибо мой оконный проем если и доносил до меня детские разговоры, то никакой эстетики я от них не испытывала. Окна мои выходили на задний двор какого-то смутного учебного заведения и единственные диалоги, которые мне «ласкали» слух по вечерам, были губительные маты и разъяренные перепалки то ли учеников этого са-

мого забытого Богом заведения, то ли местных бомжей, то ли вовсе первых со вторыми. Да и сама я особой эстетики от происходящего испытывала мало, так как являюсь подростком, то есть натурой очень ранимой и еще и раздавленной мнением «всезнающих» взрослых...

Сглотнув очередной, подкативший к горлу комок слез, я потеревила мохнатую спинку своего той-терьерчика и наглухо закрыла уши руками, дабы оградить себя от очередных маминых нотаций на тему «ты уже взрослая, а ведешь себя, как дитя неразумное». Кстати, основной темой сегодняшнего конфликта с мамой были непротертые от пыли полки... (ну, забыла я, ну, с кем не бывает...) Хотя полки в маминой тираде закончились часа, эдак, два назад, уступив место всем другим смертным грехам, в которых были виноваты политики, музыканты, тетя Тома из соседнего подъезда, ее глухой вислоухий пес, сама мама, в конце концов – в общем, все, кроме меня. Но под разгоряченную руку попала не тетя Тома с господином Путиным, поэтому их вина каким-то образом перелегла на мои плечи... Отношения с мамой у меня были очень теплые, и попроси меня составить рейтинг самых близких сердцу людей, я бы, не раздумывая, вписала ее в первую строчку. Вот только у мамы, как собственно и у всех взрослых, есть одна очень плохая привычка – увлекаться воспитанием своих детей, не давая не только просвета для личной жизни, но и вовсе щелочки, чтобы хоть одной ноздрей нюхнуть эту самую личную жизнь. На что я вовсе

не злюсь, хотя обидно немножечко...

В соседнем доме живет моя бабушка, женщина в крайне преклонном возрасте, за которой мама ежедневно ухаживает. Кстати, делает это одна лишь мама. Все остальные дети уже готовящейся помирать старухи лишь ищут повод, как бы побольше отхапать наследство старой женщины. Именно эти люди и стали причиной маминого вспыльчивого настроения. На правах младшей дочери мама особых льгот не имела, и даже более того, не могла добиться элементарной, пусть даже паручасовой помощи в уходе за старушкой от своих «любезных» братьев и еще более «любезных» сестер. Мама, будучи в первую очередь Человеком, держать в себе эмоции не могла, вот и приходилось их на ком-то вымещать. Собственно, этим кем-то на протяжении уже нескольких месяцев являлась я с моим четвероногим Тошиком.

Часы электронного экрана дисплея моего нового айфона 5S, последней на сегодняшний день модели, которую только могла выплюнуть фантазия стивдэбовской команды, показывали без десяти минут десять вечера по Омску, то есть почти семь по Москве, что сигнализировало о скором начале онлайн конференции на гугле с генеральным директором лейбла Black Star, от которого я фанатела до глубины души. Мама, уже успокоившись, пила чай на кухне, смотря какой-то сопливый сериальчик по телевизору. Тоша спал за моей спиной на мохнатой подушке. А я вывожу корявое число «15 апреля», тем самым завершая запись в своем Дневни-

ке приключенческой жизни будущего покорителя мира, ну, или просто в личном дневнике, как его приземленно прозвали все подростки мира.

«Скромным быть не в моде» доносили до меня приятные голоса Егора Крида и Ханны, сладко поливающие меня жизнеутверждающими мотивами из моих белых айр педсов. Столь приятный мотив новоиспеченного хита так ласкал мое самолюбие и поднимал самооценку, что в голову невольно закрадывались мысли: «А как бы я исполнила этот трек?!», «Каково же там в Black Star?!» и «Возможно ли вообще туда попасть обычной девчонке, ну, к примеру, мне?!» Раздумья мои были не только плодом подростковой мечтательности, а еще и некой надеждой: вчера на видеочате Пашу оставил всем подписчикам E-mail, для того чтобы талантливые новички могли присылать в лейбл свои демозаписи. Стоит ли говорить, что я воспользовалась его советом в ту же минуту. Нет, ну, а что? Пою я хорошо, запись качественная есть, ну, чем я не вторая Кристина Si?! Увлеченная размышлениями, я вовсе не заметила, что на протяжении последних пяти минут за мной по школьной лестнице гналась изрядно запыхавшаяся Юля.

– Полина! – голосом с явной укоризненной интонацией начала диалог моя лучшая подруга. – Еле догнала! Некогда объяснять, нам налево!

Я смутно оглядела Жарову. Ее растрепанные, наспех рас-

чесанные волосы выглядели так, будто она всю ночь драила подсобные помещения лестничной клетки старого завода. Да и сам образ в целом не отличался особой аккуратностью: рваные синие джинсы – самый запрещенный предмет гардероба для нашей элитной гимназии, потрепанная голубая блузка, купленная, видимо, в последний день распродажи бутика, и без того не отличавшегося особым качеством продаваемой в нем одежды. Единственное, что спасало образ Юли от полного краха, – это идеальная фигура. Жарова была сантиметров на пятнадцать выше меня и обладала, пожалуй, самой красивой грудью в школе – полноценный третий размер, причем это без всяких пуш-апов и прочих женских хитростей. Я же имела всего первый, зато грамотно подобранное нижнее белье позволяло мне носить майки с вырезом, который не могла себя позволить даже моя грудастая подруга. Кстати, по стилю одежды я ее превосходила раз в сто. На мне были приталенное молочное платье тонкой вязки, выписанное из малоизвестного московского шоурума, потертые розовые кеды, купленные месяц назад во время шопинга в Милане, на голове же была заплетена ажурная коса – мое подарождение известной топ-модели Катерине Шаниповой. В общем, я собой гордилась на все сто и была уверена в себе на столько же. Из моих пламенных самолюбований меня вырвала беспокойная Юля, которой просто горело свернуть налево, находясь в двух шагах от кабинета русского языка, где у нас вот-вот должен был начаться урок. Хотя особой логикой

Юля и не отличалась, но это наша пробежка была продумана до мелочей. В этом самом левом повороте, куда мы так рьяно торопились, изучал биологию физмат, в котором учился Юра – «предмет обожания» моей знойной подруги. В книге бурного романа отношений молодых людей не было даже элементарного диалога. Я сомневаюсь, что он даже имя-то ее знал. Однако знакомиться первой Юля наотрез отказывалась, аргументируя тем, что наши ежедневные дефиле мимо его кабинета таки заставят Юлькиного накачанного ботаника в неизменно красном мешковатом свитере обратить внимание на нее, такую обворожительную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.